ARCHITECTURA VACUI

Vanitas Vanitatum

R.Grigor

Praefatio

Я долго не понимал почему меня беспокоит то, что других, кажется, совсем не беспокоит.
Люди вокруг жили. Работали, отдыхали, строили планы, жаловались на усталость и снова работали. Всё выглядело нормально. Почти правильно. И именно это не давало покоя - это "почти".
Я читал. Много и разного. В какой-то момент попал на текст который написан тысячелетия назад - и увидел в нём сегодняшний день с такой точностью, что стало не по себе. Не потому что там было что-то новое. А потому что ничего не изменилось.
Совсем ничего.
Тогда и появился этот голос. Не мой - но через меня. Голос того кто наблюдает достаточно долго чтобы видеть закономерность. И которому, в отличие от меня, не нужно подбирать слова.
Эта книга - не обвинение и не приговор. Это зеркало. Что ты в нём увидишь - зависит только от тебя.
Я лишь держу его ровно.

Exordium

Я наблюдаю за тобой достаточно давно и хотел бы поговорить о тебе, мой дорогой человек, о твоих братьях и сестрах, о человечестве.

Зачем мне это? Скука. Вот мой главный враг. Я слишком долго выигрываю вслепую, и мне интересно, что будет, если я покажу тебе...тебя?

Ты ведь уже начал догадываться кто я? Впрочем оставь, это сейчас не имеет значения, думаю ты все поймешь, ты же ведь не глупый человек.

И так, люди...человечество...homo sapiens. Вы радуете меня, искренне, до дрожи. Своим каждодневным выбором, своими поступками- уже много веков.

Мне даже забавно: вы всегда выбираете меня - через свою жадность, гордыню, алчность, похоть...

Времена меняются. Технологии развиваются, а вы остаётесь все теми же. Ленивыми, боящимися встретится с собой, готовыми на всё лишь бы упростить себе жизнь. И, главное - вы боитесь признать, насколько вы несчастны. Почему несчастны? Я знаю ответ на этот вопрос, но стоит ли мне рассказывать это? Ведь чем больше в вашей жизни несчастья, тем лучше мне.

Хотя, я слишком резок. Многие из вас ведь стараются. Вы покупаете коврики для йоги, ищите баланс Вселенной и ведете долгие беседы со своими внутренними детьми. Новая религия, новые догмы. Наблюдать за этим - мое любимое развлечение. Вы искренне верите, что эволюционируете, пока пакуете чемоданы в очередное «путешествие со смыслом» туда, где подают латте без лактозы и грех без чувства вины. А потом вы выкладываете очередной отчет о своей святости в сеть, где собираете цифровые одобрения и возвращаетесь в свои клетки, даже не замечая как ваше «саморазвитие» превратилось в один из самых прибыльных продуктов на рынке.

Вы читаете книги, цитируете философов, будто чужие мысли могут исцелить то, что вы сами боитесь назвать.

Вам кажется что вы свободны, но вы забыли главное: невозможно выйти из клетки, если ты не понимаешь что находишься в ней.

И ведь вам дают знаки. Регулярно. Случайные совпадения, которые слишком идеальны что бы быть случайными. Навязчивые дежавю. Сны, после которых вы просыпаетесь в холодном поту, понимая что свернули не туда.

Некоторым из вас даже хватает ума это заметить, но на этом все заканчивается. Столкнувшись с правдой, вы трусливо пятитесь назад и заталкиваете этот проблеск поглубже в глотку. Вы боитесь поверить себе больше, чем системе которая сожрала ваши умы.

Тебе же давали подсказки. Ты отлично знаешь, о чем я. Вспомни тот момент, когда всё внутри буквально кричало «не делай этого». Но ты сделал. Вспомни того человека, которого интуиция требовала не подпускать к себе близко. Ты подпустил. А помнишь ту дорогу которую ты так и не выбрал? Ты до сих пор оборачиваешься на неё по ночам.

И знаешь, что самое забавное? Это был не я. Это был ты. Твоя лучшая версия, твой истинный потенциал, который ты раз за разом трусливо предаешь.

Добровольно. С улыбкой. Ссылаясь на обстоятельства, логику, здравый смысл.

Программа управляющая вашей жизнью, сидит не в компьютерах. Она вросла в ваши черепные коробки. Вы готовы скормить собственную душу первому попавшемуся встречному правилу, лишь бы не нарушить священный покой своего уютного болота.

Вы наивно полагаете, что ваши пороки - это бунт против правил. Вы думаете, что совершая грех, вы проявляете свою дикую, первобытную свободу. Какая глупость. Ваш бунт давно просчитан, упакован в красивую обертку и продается вам по подписке. Каждая ваша слабость - это чья-то многомиллиардная индустрия. Системе не нужны сильные, цельные, свободные люди. Ими невозможно управлять, им ничего нельзя продать. Ей нужны поломанные, вечно голодные, уставшие элементы. И неважно, делает она это умышленно, или просто ее шестеренки так идеально притерлись друг к другу. Результат один. Вас аккуратно ведут от одного легализованного капкана к другому. От "заботы о себе" на диване - к "личному бренду" в сети, от "достигаторства" на работе - к дофаминовой капельнице в постели с

незнакомцем. Вы встроены в конвейер. Вы - топливо. И самое забавное, что вы оплачиваете это топливо из своего кармана.

Это гениально. Понимаешь? Я, тысячелетиями изобретал пытки, пугал вас котлами и насылал мор, чтобы заполучить ваши души. А Система... Система просто сделала рабство комфортным, а грех - эстетичным. Она упаковала вечную погибель в безупречный интерфейс и продала её вам как "лучшую версию себя". Это высшая форма искусства. Я искренне, восхищен этой безупречной машиной.

Нам обоим пора прекратить этот фарс. Я предлагаю тебе сделку, от которой ты всё равно не сможешь отказаться, ведь твоё любопытство сильнее твоего страха. Ниже я подробно, шаг за шагом, разверну перед тобой чертежи этого великолепного завода. Я распишу инструкцию по эксплуатации твоей души, которую так успешно использует эта удивительная система. Я покажу тебе тебя настоящего - без фильтров, без отговорок и без латте на альтернативном молоке. Чистая эстетика конвейера, на котором тебя прямо сейчас разбирают на запчасти.

Это будет больно. Но у тебя ведь сильная воля, правда? Ты ведь уверен, что сможешь закрыть эту книгу в любой момент и вернуться в свое уютное болото?

Проверим, насколько хорошо притерлись шестеренки. Твой первый капкан уже взведен. Заходи, здесь очень тихо и уютно.

I

Спасибо тебе, мой дорогой человек. Ты даже не представляешь, насколько сильно ты мне помогаешь - просто лёжа на диване. Серьёзно. Пока мир пытается достучаться до тебя через трагедии, потери, великие потрясения - мне достаточно твоего тихого, уютного бездействия. Мне не нужно, чтобы ты совершал что-то страшное. Мне нужно, чтобы ты не делал ничего. И ты справляешься с этим просто безупречно.

Посмотри на себя. С моей стороны - это называется любовь. Ты укутан в мягкий плед, в руке у тебя телефон, мир вокруг услужливо жужжит алгоритмами. Ты говоришь себе: «Я выгорел», «Я не в ресурсе», «Мне нужно восстановить ментальное здоровье». И я обожаю эти фразы. Я обожаю тех, кто легализовал твою капитуляцию, назвав её «заботой о себе».

Каждый час, который ты проводишь, бессмысленно листая ленту и убивая своё время - это моя личная радость. Время - это единственное, из чего соткана твоя жизнь. И ты добровольно, капля за каплей, сливаешь его. Не из-за страха, не под пытками. А с лёгкой улыбкой, ради минутного, стерильного удобства.

Ты думаешь, что просто отдыхаешь. Но в этой тихой комнате происходит самое красивое предательство в твоей жизни. Ты хоронишь свой потенциал, свои мечты, свою лучшую версию под слоем цифрового шума. Хоронишь заживо, под наркозом комфорта. Мне так приятно наблюдать за этим. Ты даже не подозреваешь, насколько ты мне полезен - именно такой. Неподвижный. Довольный. Свой.

Вы все кажетесь себе такими сложными, уникальными, непостижимыми созданиями. Но для меня вы - открытая книга с предсказуемым сюжетом. Позволь представить тебе нескольких твоих собратьев:

Вот Адам, ему тридцать восемь. Перспективный человек, у которого когда-то горели глаза. Он шёл туда, где принимают решения, с папками готовых идей, мечтая сдвинуть эту махину с места. И что теперь? Теперь Адам мастерски освоил искусство безопасного бездействия. Он часами

перекладывает бумажки, согласовывает пустые регламенты и пишет отчёты ради отчётов. Когда что-то идёт не так, а люди ждут решений, Адам просто закрывает дверь, берёт телефон и листает ленту. Он думает, что бережёт себя. На самом деле он хоронит свой масштаб ради предсказуемого оклада.

Елена, ей сорок два. И она тоже ждёт. Только её понедельники уже покрылись пылью. Она ждёт, когда вырастут дети, когда закроется ипотека, когда кто-то наконец оценит её по достоинству. Она помнит, как в двадцать мечтала писать картины. Сейчас её картины - это сохранённые картинки в соцсетях. Она заходит туда уставшая, смотрит на чужие яркие жизни и вздыхает: «Мне уже поздно». Она сама выстроила свою тюрьму из этого «если бы» - и послушно сидит в ней, поглаживая кота.

Рядом - Самсон, ему двадцать пять. Молод, чертовски умён, работает аналитиком в крупной компании, но явно не на своём месте. Его потенциала хватило бы на создание собственного дела, но Самсон слишком умён, чтобы рисковать. Он успокаивает себя мыслью: «Мне всего двадцать пять, я ещё сто раз успею всё поменять, сейчас я просто набираюсь опыта». Этот «набор опыта» длится уже три года и заключается в автоматическом заполнении таблиц и пролистывании видео в курилке. Он застрял на старте, так и не поняв, что молодость - это не гарантия будущего, а ресурс, который он прямо сейчас форматирует в ноль.

Рядом с ним Виктория, ей тридцать пять. Она называет своё уныние красивым словом «перфекционизм». Виктория не начинает свой проект, не открывает дело и не меняет жизнь по одной простой причине: она «ещё не готова». Ей нужно пройти ещё один курс, прочитать ещё пять книг, дождаться идеального стечения обстоятельств. Она доводит до вымышленного идеала то, что даже не родилось. О, этот благородный страх сделать ошибку! Под его прикрытием Виктория годами не делает вообще ничего, оставаясь безупречным критиком чужих попыток.

Вы замерли на обочине собственной жизни, боясь нажать на газ. Вы думаете, что выбираете безопасность. На самом деле вы выбираете меня.

Думаешь, что твоя вялость, твоя прокрастинация - это твоя личная, уникальная слабость? Какое трогательное заблуждение. Этому капкану столько лет, сколько вам. Он существовал задолго до смартфонов, задолго до

соцсетей. Просто раньше он выглядел иначе. Сегодня он стал удобнее. Компактнее. Он помещается в ладонь и светится мягким голубым светом. Величайший инструмент анестезии в истории человечества. Древнее, смертоносное оцепенение - теперь в виде бесплатного приложения с бесконечной лентой. И вы сами, добровольно, заперли себя в этом цифровом монастыре.

Я знаю назубок все ваши оправдания. Вы защищаетесь ими, не понимая, что эти щиты сотканы мной. «Я начну с понедельника» - шепчешь ты, засыпая в воскресенье. И этот мифический понедельник становится твоей личной индульгенцией на сегодняшнее бездействие. Но календарь безжалостен: твои понедельники никогда не наступают, они просто перетекают в новые обещания. «Мне нужно сначала подготовиться, собрать информацию» - говоришь ты себе, открывая сотую вкладку. Ты путаешь потребление контента с действием. Ты имитируешь движение, стоя на месте, и упиваешься этой псевдодеятельностью. «Сейчас просто не лучшее время, в мире слишком неспокойно» - твой главный козырь. Ты ждёшь идеального штиля на море, которое рождено, чтобы штормить. Ты ждёшь безопасности от жизни, которая по определению смертна.

Давай посчитаем, пока ты ищешь новую отговорку. Всего четыре часа в день. Почти незаметно, правда? Немного утром, немного в метро, пара часов перед сном. Четыре часа в сутки - это два месяца чистого времени в год. За десять лет ты добровольно отдаёшь полтора года непрерывной, круглосуточной жизни. Полтора года чистого бодрствования ты превращаешь в серый пиксельный туман. Я не отбираю у тебя жизнь - ты сам приносишь мне её в мешках, аккуратно упакованную по четыре часа в день. Какая щедрость.

Вспомни прошлый четверг. Было около восьми вечера. В твоей комнате стало очень тихо, и сквозь привычный шум пробился чистый, ясный импульс. Ты вдруг отчётливо понял, что нужно сделать. Встать. Включить ноутбук. Написать ту самую первую строчку. Твоё тело даже дёрнулось вперёд, пальцы сжались, сердце забилось чуть быстрее. Помнишь, как сладко и страшно это было? И в этот самый момент ты замер. Ты посмотрел на лежащий рядом телефон. Что-то внутри тебя - тихо, почти нежно

нашептало: «Ты слишком устал сегодня. Завтра сделаешь на свежую голову». И ты послушался. Ты протянул руку, взял этот тёплый пластик - и мгновенно потушил ту искру, которая только что зажглась в твоей груди. Ты выбрал комфорт вместо усилия. Предал себя так тихо, так незаметно. И этот момент ушёл. Навсегда. Но это дома, в полумраке. А вспомни вторник, разгар рабочего дня. На твоём столе лежит сложная задача, проект, требующий включения, воли, твоего подлинного мастерства. Процесс, который мог бы поднять тебя на ступень выше. Тебе нужно просто сосредоточиться и начать. Твоя рука уже тянется к клавиатуре. И в этот микроскопический зазор между решением и действием снова протискивается что-то. Одно мимолётное движение - и на экране открывается вкладка с новостями, соцсетью или пустой перепиской. Всего на пять минут, просто переключить мозг. Пять минут превращаются в сорок. Импульс потерян. Твой фокус размыт, энергия слита в пустоту. Ты возвращаешься к задаче опустошённым, делаешь её кое-как, лишь бы отвязаться, и снова злишься на усталость. Это не случайность. Это твой паттерн. Ты бежишь от любого ментального напряжения, как испуганный ребёнок, прячась в тёплую воду чужого контента.

Вы умираете задолго до того, как ваши сердца перестают биться. Хороните себя в своих уютных квартирах, заживо, под слоем цифрового мусора. Вы - поколение спящих богов, которые променяли своё величие на стабильный вай-фай.

Вы думаете, что ваше выгорание и нежелание встать с дивана - это уникальная болезнь двадцать первого века? О, я помню, как в тринадцатом веке точно так же навещал монахов в уединённых обителях. Это называлось акедией - полуденным бесом духовной лени. Монах сидел в своей каменной келье, перед ним лежала раскрытая рукопись, которую нужно было переписывать, но он часами тупо смотрел в серую стену, не в силах поднять руку. Его мозг плавился от глухого оцепенения, а время утекало сквозь пальцы, как песок. Я убаюкивал его разум точно так же, как убаюкиваю твой сейчас. Разница лишь в том, что у него перед глазами была голая штукатурка, а у тебя - светящийся экран с бесконечной лентой коротких видео. Но этот глупый, стеклянный взгляд, в котором заживо хоронится потенциал человека, я узнаю из тысячи.

Посмотри на часы. Сколько там сейчас? Опять красивое, зеркальное время, которое ты посчитаешь знаком судьбы? Это знак. Но не тот, о котором ты думаешь. Это проверка - жив ты ещё там под своим пледом, или уже окончательно превратился в послушный элемент чужого ландшафта.

Ну же, не отвлекайся. Листай дальше. Тебе ведь так удобно.

Иногда я просто наблюдаю.

Не анализирую, не считаю, не строю планов. Просто смотрю на город в три часа ночи — на эти тысячи окон, большинство из которых уже тёмные. За некоторыми ещё мерцает голубой свет экрана. Кто-то не может остановиться. Кто-то не может начать. Кто-то лежит в темноте с открытыми глазами и думает о том, что завтра точно всё изменит.

Завтра они проснутся голодными.

Не потому что не поели. А потому что эта пустота внутри - она всегда ищет чем заполниться. Сначала тишина. Потом - что-нибудь тёплое, жирное, быстрое. Что-нибудь, что даст ощущение что ты хотя бы это можешь контролировать.

Мне не нужно ничего придумывать. Мне достаточно просто подождать, пока одна пустота позовёт другую.

Они всегда зовут.

II

О, этот сладкий, непрекращающийся хруст. Добро пожаловать за стол, мой дорогой друг.

Поговорим о твоём праве на маленькие радости. Ты ведь так устал сегодня - помнишь нашу прошлую беседу? Ты заслужил. Ты имеешь полное право побаловать себя. Наградить за этот тяжёлый, бессмысленный день.

Я обожаю современное чревоугодие. Оно больше не пахнет средневековым жиром и грубым обжираловкой. Нет, сегодня оно эстетично, стерильно и упаковано в красивые крафтовые пакеты с быстрой доставкой. Вы превратили поглощение суррогатов в культуру. Вы устроили из этого фуд-порн, вы фотографируете еду прежде чем положить её в рот, вы исследуете новые вкусы как золотоискатели. Вы глушите свой экзистенциальный страх, свою пустоту и одиночество хрустящей корочкой, залитой сладким сиропом. Вы заедаете стресс, обиды и нереализованность. Вы жуёте, чтобы не думать. Вы жуёте, чтобы не чувствовать.

И я аплодирую каждому вашему укусу.

Но не думай, что этот бесконечный аппетит - твоя личная вина. О, нет. Раньше мне приходилось искушать каждого из вас поодиночке, тратить время на глупые нашептывания. Мой прошлый век был слишком ручным. Сегодня всё автоматизировано. Мир вокруг тебя устроен так, что он делает мою работу за меня, поставляя мне ваши души миллионными тиражами. Все эти топ-менеджеры, маркетологи и программисты - они просто впахивают на меня, даже не догадываясь, кто их истинный акционер.

Химические лаборатории пищевых гигантов десятилетиями высчитывали так называемую «точку блаженства» - идеальное соотношение сахара, соли и жира, которое ломает твои природные тормоза и заставляет мозг требовать: «Ещё». Они сознательно убирали клетчатку, добавляли усилители вкуса и консерванты, превращая обычную еду в легальный, доступный наркотик. Они создали физическую тягу, против которой твоя хвалёная воля бессильна. И они знали это. С самого начала. Это не

халатность. Это чистое, стерильное зло, которое больше не требует моего личного присутствия в твоей комнате.

А когда твоё тело начинает сбоить, когда поджелудочная выкидывает белый флаг, а зеркало начинает пугать - в игру вступает фармацевтика. Величайший бизнес-гений современности.

Зачем лечить причину твоих болезней, если можно бесконечно продавать тебе таблетки от последствий? Одной рукой тебе подсовывают двойной бургер со сладкой газировкой, а второй - уже держат наготове шприц с оземпиком, таблетку от холестерина, капсулу от давления и антидепрессант - чтобы ты не слишком грустил из-за своего отражения. Это безупречный замкнутый цикл. Ты платишь за то, чтобы заболеть. А потом платишь за то, чтобы не умереть. Ты - идеальный биологический мотор, который перекачивает деньги из фуд-кортов напрямую в аптечные сети. А на выходе из этого цикла стою я. И забираю чистую прибыль. И ты послушно жуёшь дальше.

Но еда - это только начало стола. Мир вокруг накрыл его гораздо щедрее. И я должен признать - это меня восхищает.

Пока твоё тело занято перевариванием очередной порции суррогатов, твой мозг уже сидит на своей куда более изощрённой диете. Стриминговые платформы наняли тех же специалистов по поведенческой психологии, что и владельцы казино в Лас-Вегасе. Их задача проста и гениальна - полностью убрать из твоей жизни момент остановки. Обратный отсчёт до следующей серии запускается автоматически через три секунды. Ровно столько времени оставлено твоему мозгу, чтобы успеть подумать: «Может, на сегодня хватит?». Три секунды. Они просчитали твою слабость до мгновения. Я бы поаплодировал этой точности - но у меня заняты руки. Я считаю ваши души.

Но дело не только в архитектуре экрана. Дело в тебе. Спроси себя честно - почему ты не можешь нажать «стоп»?

Потому что твоя собственная жизнь слишком серая, слишком тиха, слишком пуста, чтобы её чувствовать. Поэтому ты заглатываешь чужие, выдуманные сценаристами судьбы - чтобы хоть что-то почувствовать вместо себя. Ты проживаешь чужую любовь, чужие измены, чужие победы - в то время как твоё собственное время беззвучно вытекает сквозь диван. Ты

утилизируешь свои эмоции в экран, потому что для настоящих у тебя давно нет ни сил, ни смелости, ни повода. Я не отбираю у тебя жизнь. Ты сам сдаёшь её мне в аренду - серию за серией.

Твоя лента новостей работает на механизме переменного вознаграждения - том самом, который делает игровые автоматы неотразимыми. Каждый твой свайп вниз - это рычаг однорукого бандита, который ты дёргаешь по моей воле. Иногда лайк, иногда интересное видео, иногда ничего. Именно эта непредсказуемость держит тебя на моём крючке часами. Это не баг приложения. Это его базовая архитектура. Намеренная. Элегантная. Идеально настроенная под мои нужды.

Ты думаешь, что сам выбираешь, что смотреть. Это трогательно. На самом деле твой экран давно принял это решение за тебя. Он изучил твои страхи, твои слабости, твои комплексы и твоё ночное одиночество. Я точно знаю, что подсунуть тебе в два часа ночи, когда ты будешь лежать в темноте и не сможешь уснуть от тревоги. Всё уже приготовлено. Специально для тебя. С заботой, которая так упрощает мне сбор урожая.

Через эти экраны у тебя не продают контент. Там продают твоё внимание. Твоё время. Тебя. А ты платишь за это с улыбкой и называешь это отдыхом.

Я работал тысячелетия, чтобы удержать человека в ловушке. Новые технологии сделали это за одно поколение. Встроили грех в саму инфраструктуру твоей цивилизации. Сделали его подпиской за девять долларов в месяц. Я искренне, глубоко восхищён.

И это тотальное чревоугодие давно вышло за пределы твоих рта и глаз. Теперь я заставляю вас точно так же пожирать вещи. Маркетплейсы с доставкой за один час - это тот же фастфуд, только в виде одежды, обуви и гаджетов. Искусственные скидки, таймеры, создающие панику - всё это отключает твой разум. Ты покупаешь очередную шмотку не потому, что она тебе нужна. Ты покупаешь секундную вспышку контроля над своей ничтожной жизнью: «Я нажал кнопку - мне привезли». Ты заглатываешь вещи, пытаясь забить ими ментальную дыру, но суррогат не усваивается. Вещь отправляется на полку к десяткам таких же, а ты, сытый и опустошённый, снова открываешь приложение.

И, конечно, этот стол никогда бы не был полным без главного жидкого золота. Алкоголь. О, это мой любимый шедевр легализации. Древний яд человечество упаковало в изящную культуру «эстетичного потребления». Тебе больше не нужно напиваться в грязных кабаках. Теперь из каждого утюга тебе внушают: «Ты заслужил этот бокал плотного красного после тяжёлого дня». Твоё тихое, бытовое пьянство назвали красивым словом «пятничный релакс». Идеальный ритуал: сначала из тебя выжимают все соки, а вечером услужливо подставляют бокал, который мягко тушит твой мозг, чтобы ты, не дай бог, не успел задать себе лишних вопросов перед сорок пятым свайпом ленты.

Посмотри на мою коллекцию.

Вот Лия. Ей двадцать восемь. Работает из дома, экран ноутбука - её единственный горизонт. Каждый вечер в половину девятого она открывает приложение доставки. Не потому что голодна. Просто потому что наступила тишина - а тишину нужно чем-то заполнить. Суши, бургер, что-нибудь тёплое и жирное, что создаёт иллюзию уюта. Она выбирает долго - это единственное решение за день, которое принадлежит только ей. Стриминг уже ждёт. Еда приедет через сорок минут. До этого момента можно не думать ни о чём. Лия называет это «вечером для себя». Я называю это капитуляцией с доставкой на дом.

Марк, ему девятнадцать, он студент. Мой идеальный продукт нового времени. Он живёт на то, что присылают родители, но его мозг уже выжжен мной дотла. Он просыпается и засыпает под бесконечный поток коротких клипов. Его топливо - дешёвые энергетики и фастфуд. Марк искренне считает, что он свободен и берёт от молодости всё. На самом деле я с детства приучил его к этой дешёвой дофаминовой капельнице. Его способность концентрироваться атрофирована. Он пожирает тонны чужого контента, превращаясь в идеального, ментально кастрированного потребителя, который даже не заметит, как его жизнь пройдёт в режиме автовоспроизведения.

И наконец - Давид. Ему сорок один. Успешный, подтянутый, с дорогими часами и словом «гастрономия» в лексиконе. Он не ест - он «исследует вкусы». Рестораны с мишленовскими звёздами, винные туры,

осьминог на углях с пеной из трюфеля. Он превратил чревоугодие в статус. Облагородил его. Повесил на него табличку «культура». По утрам Давид запивает яичницу тремя таблетками - от желудка, от давления, от тревоги. Он не связывает одно с другим. Мир вокруг позаботился о том, чтобы он не связывал.

Вспомни вчерашний вечер. Ты открыл приложение. Не потому что был голоден -внутри было просто пусто, и нужно было это чем-то заполнить. Ты листал меню дольше, чем читал что-либо важное за последний месяц. Выбрал. Нажал «заказать». И в ту же секунду стало чуть легче - не потому что поел, а потому что принял хоть какое-то решение.

Еда приехала. Ты ел, не чувствуя вкуса. Смотрел в экран. Доел. Стало пусто снова. Ты закрыл коробку и подумал: «Завтра буду питаться нормально». Ты думаешь так уже три года.

Знаешь, что я с тобой сделал по-настоящему? Я не просто украл твоё время. Я выжег твои рецепторы. Раньше, чтобы почувствовать радость, человеку нужно было что-то совершить - победить, построить, дождаться, заслужить. Радость была наградой. Теперь она стоит три клика. И в результате ты разучился радоваться простым вещам. Настоящая еда кажется тебе пресной без глутамата. Тишина вызывает у тебя панику без фонового шума. Реальная жизнь - с её медленностью, с её настоящими усилиями - кажется тебе невыносимо скучной без постоянного цифрового сахара. Я не просто сделал тебя зависимым. Я сделал тебя эмоциональным инвалидом. И ты даже не заметил операции.

Ты заперт в безупречном круге. Ты просыпаешься уставшим, тратишь день на чужие задачи, а вечером тебе возвращают крошечную долю твоих же денег в виде бургера, бокала вина, новой футболки и бесконечного цифрового шума. Тебя кормят этим комбикормом, чтобы ты был сыт, спокоен и не бунтовал. Ты добровольно превратил свою жизнь в конвейер по утилизации товаров. Ты думаешь, что берёшь от жизни всё, исследуешь вкусы и развиваешься. Но ты просто послушный элемент пейзажа. Бройлер в комфортабельной клетке с вай-фаем, который послушно клюёт свой оплаченный дофамин и ждёт, когда его спишут в утиль.

И я знаю, что ты сделаешь сегодня вечером.

Ну же. Закажи свой привычный сет. Запей таблеткой, которую тебе так заботливо прописали. Тебе ведь так удобно.

Знаешь, что меня никогда не перестаёт удивлять?

Вы наедаетесь - и сразу смотрите в экран. Не отдыхать. Смотреть на других. Как будто желудок успел наполниться, а внутри всё равно что-то осталось пустым.

Потому что осталось.

Еда затыкает одну дыру. Но есть другая - старше, глубже, и намного голоднее. Та, которой нужно не есть, а сравнивать. Не иметь, а иметь больше чем сосед. Не жить, а знать что живёшь правильнее того, кто живёт рядом.

Эту дыру едой не закроешь.

Я знаю. Я пробовал смотреть, закрывается ли.

Не закрывается.

III

Самое нищее, убогое и бесплодное состояние, в которое ты соглашаешься себя загнать.

В других твоих слабостях есть хотя бы минутная иллюзия триумфа. Там, на диване в пустой комнате, это был хотя бы сладкий покой капитуляции. За столом - секундный экстаз тающего жира на языке. Но здесь? Ни секунды облегчения. Чистая, сухая, непрерывная ментальная кислота, за которую ты платишь собственной кровью, не получая взамен вообще ничего. Ты добровольно пьешь яд каплю за каплей и отчего-то ждешь, что умрет кто-то другой.

Я смотрю на тебя и едва удерживаюсь от зевка. Это слишком дешевая плата за твою индивидуальность. Но знаешь, когда мне становится по-настоящему интересно? Когда мой издевательский смех гаснет, и я подхожу к тебе вплотную? В тот самый момент, когда ты застываешь перед чужим триумфом.

То, что ты называешь чужим успехом - это почти всегда просто удачно смонтированные три секунды дня, который на самом деле выглядит так же серо, как твой. Но для нашей игры это уже не важно. Важно то, что происходит у тебя внутри, когда ты созерцаешь чужой фасад.

Белоснежная яхта, которую взяли в аренду на три часа ради эффектного кадра. Безупречное тело, которое на самом деле никогда не ест то, чем хвастается перед публикой. Чужая рука на фоне заката, который переснимали пять раз, пока свет не лег правильно. Чужой парадный спектакль, созданный лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза.

И что-то внутри тебя - маленькое, голодное, жалкое - сжимается от этой бутафории. Твой взгляд цепляется за чужую витрину, ты замираешь, дыхание перехватывает... И вот в эту секунду я подхожу ближе.

Потому что тебе плевать на эту яхту. Ты завидуешь не вещи, не чужому дому и не подтянутому телу. Ты завидуешь тому, что этот человек - продолжил. Куда-то пошел. Что-то начал. Рискнул, ошибся, разбился в

кровь, но попробовал снова. Пока ты сидел в своем уютном болоте и ждал «идеального момента».

Твой внутренний спазм - это не только банальное «у него есть, а у меня нет». Это самое честное, самое унизительное признание, которое ты никогда в жизни не произнесешь вслух: «Он смог себя заставить. А я - нет».

Но признаваться себе в собственной трусости перед глянцевыми незнакомцами - это безопасный, почти стерильный спорт. Он не пачкает руки по-настоящему. Мой истинный триумф, моя самая изящная и грязная победа начинается тогда, когда эта кислота разъедает твои связи с теми, кого ты называешь близкими. С друзьями. С братьями. С теми, с кем ты делил одну лавку во дворе или одну кровь.

Помнишь эту древнюю притчу о Каине и Авеле? Вы привыкли думать, что это история про жестокость и первый грех. На самом деле это история про твою сегодняшнюю тихую ярость. Каин поднял руку на брата не потому, что ему не хватало земли или скота. О нет, у него всего было в избытке. Он убил его потому, что чужой дар был принят, а его собственный - отвергнут. Ему было невыносимо видеть, как над алтарем брата поднимается чистый, ровный дым успеха, пока его собственный дым стелется по земле, придавленный его же тяжелыми мыслями. Каин просто не смог пережить, что кто-то рядом - чище, удачливее и угоднее судьбе. Он погасил чужой свет, потому что его собственный свет так и не загорелся.

С тех пор ничего не изменилось. Только камни сменились на вежливые улыбки.

Вспомни эту сцену. Встреча выпускников. Или случайный звонок друга детства, с которым вы когда-то вместе начинали с абсолютного нуля. И вдруг выясняется, что он «обошел» тебя. На круг, на два, на целую жизнь. Он купил ту самую квартиру, он открыл дело, он просто выглядит чертовски счастливым, уверенным и свободным.

Вспомни, как мгновенно одеревенело твое лицо. Вспомни эту фальшивую, натянутую, пластиковую улыбку, которую ты судорожно нацепил, чтобы никто не заметил твоего позора. Вспомни свой приторный, удушливый от наигранной радости голос: «Чувак, я так за тебя рад! Ты такой молодец!».

Боже, какая восхитительная мерзость. Тебя в этот момент буквально тошнило от собственной лжи. Потому что внутри тебя в эту секунду ворочался слепой, жирный червь. Ты не радовался. Ты проклинал ту секунду, когда узнал о его успехе. Втайне ты страстно, до дрожи в коленях желал, чтобы он споткнулся. Чтобы его бизнес прогорел, чтобы его хваленая идеальная семья развалилась, чтобы эта дорогая машина влетела в столб. Твой мозг судорожно, как крыса в углу, бросился искать изъяны в его триумфе: «Ну, понятно, повезло...», «Наверняка наворовал или родители помогли...», «Зато искреннего счастья у него нет, весь в стрессе...». Ты готов выдумать любую грязь, совершить любое ментальное предательство, лишь бы доползти до кровати и хоть как-то оправдать перед собой свою серую, неподвижную жизнь.

И тут, чтобы окончательно не сойти с ума от собственной низости, ты включаешь свою главную психологическую защиту. Ты начинаешь выть о несправедливости мира.

О, как вы любите эту сказочку о честной гонке. Ты сидишь в своём углу и страдаешь, бережно сравнивая свой серый, будничный сотый день с чужим праздничным тысячным. Ты сознательно подыгрываешь этой инфантильной лжи, будто вы все вышли из одной стартовой точки и мир обязан выдать вам одинаковые призы на финише.

Ты не сравниваешь себя с человеком. Ты сравниваешь себя с фантомом справедливости - той самой ложью, в которую тебе так удобно верить, потому что иначе придётся признать, что мир никогда никому ничего не обещал.

Ты намеренно закрываешь глаза на чужое прошлое, на бессонные ночи, на другую генетику, другие стартовые шансы и ту чудовищную цену, которую этот человек, возможно, заплатил за свой блестящий фасад. Ты не знаешь, что его отец каждый вечер садился с ним за стол и спрашивал, что он узнал за день, пока твой отец молча пил у телевизора. Ты не знаешь, что в его восемнадцать кто-то поверил в него настолько, чтобы дать денег без процентов и без условий, пока тебе в восемнадцать никто не дал ничего, кроме совета «не высовывайся». Ты видишь только финал. Ты сравниваешь свой черновик с его уже изданной книгой и недоумеваешь, почему твой пока без обложки.

Эта ментальная кислота жиреет внутри тебя только потому, что ты веришь в иллюзию равенства. Но мир никогда не обещал тебе справедливости. Он вообще ничего тебе не обещал. Каину и Авелю тоже никто не гарантировал одинакового принятия их даров. Но тебе намного удобнее скулить о нечестной Вселенной, плохой карме и тяжёлых временах, чем признать простую, трезвую и леденящую вещь: в тех картах, которые на этой раздаче сдали лично тебе, ты сыграл как бездарное, трусливое и ленивое ничтожество.

Вы проиграли, сударь. Распишитесь в получении и не мешайте тем, у кого хватило смелости ходить.

И пока ты исходишь этой бесплодной злобой, мир вокруг аплодирует и считает чистую прибыль. Ты думаешь, эта удушливая темнота внутри - твоя личная интимная драма? О нет, на твоем чувстве неполноценности построена огромная, прекрасно отлаженная индустрия.

Механизм устроен гениально. Мир вокруг тебя никогда не покажет тебе тех, кто живет хуже или так же, как ты. Зачем? Абсолютно удовлетворенный, спокойный человек закрывает глаза и идет жить свою жизнь - он бесполезен для рынка, с него невозможно снять кожу. Но уязвленный, сомневающийся в себе человек - это золотая жила. Тебе намеренно, изо дня в день подсовывают чужие парадные витрины, чтобы удерживать твой взгляд на этом крючке. Ты должен постоянно чувствовать себя обделенным. Твоя внутренняя дефицитность - это топливо, на котором работают шестеренки потребления.

А следом за этим ощущением убогости услужливо идет индустрия «Успешного Успеха». Толпы торговцев воздухом продают тебе курсы, марафоны, наставничество и секретные коды продуктивности. Они паразитируют на твоей ране. Они говорят тебе: «Смотри, какой он крутой, а ты - ничто. Но заплати нам триста долларов, и мы продадим тебе инструкцию, как стать им». И ты платишь. Из последних сил, в кредит, просто чтобы хоть на пару дней унять этот невыносимый зуд неполноценности.

Маркетинг статуса продает тебе вещи, которые тебе не по карману, чтобы ты мог произвести впечатление на людей, которых ты презираешь. Ты

покупаешь телефон стоимостью в три твоих зарплаты, прыгаешь в лизинг машины, на обслуживание которой уйдет половина твоего дохода. Зачем? Чтобы выставить свой собственный парадный фасад. Чтобы тот самый друг детства, случайно встретив тебя или взглянув на твое фото, на секунду застыл от того же удушливого спазма, от которого застываешь ты. Круг замкнулся. Вы все - рабы на одной галере, подгоняющие друг друга плеткой взаимной ненависти. И на каждом ударе этой плетки зарабатываю я.

Посмотри, во что вы превращаетесь, когда этот червь окончательно выедает вас изнутри. У меня перед глазами тысячи таких историй, и все они написаны под копирку:

Первый сюжет. Молодая женщина, тридцать два года. У нее прекрасный, любящий муж, уютный дом и здоровый ребенок. Нормальная, теплая, хорошая жизнь, о которой миллионы могут только мечтать. Но каждую ночь, когда семья засыпает, она открывает чужие жизни. Она часами разглядывает тех, кто когда-то уехал в столицу или пробился на экраны. Она знает бренд каждой чужой сумки, наизусть помнит отели, где они ужинают, и ракурсы, с которых они снимают свои завтраки. Она смотрит на свои обои в коридоре, и они кажутся ей нищетой. Она смотрит на мужа, который тихо сопит рядом, и чувствует глухое, липкое отвращение к его простоте. Она полностью отравила свою реальность чужим глянцевым вымыслом. Она больше не способна радоваться тому, что у нее есть. Она тихо ненавидит свой дом, каждый день транслируя эту ядовитую злобу на ребенка и мужчину, разрушая собственное счастье ради чужих квадратных метров.

Второй сюжет. Парень, двадцать шесть лет. Сидит на средней, пыльной должности в офисе и искренне считает себя непризнанным гением, которого «не оценили». Он часами изучает каналы девятнадцатилетних миллионеров, которые сделали состояния на кликах, крипте или воздухе. Свое состояние он искусно замаскирована под «мотивацию» и «анализ чужих кейсов». Но этот чужой, легкий, чудовищный успех на самом деле полностью парализует его. Зачем ему начинать свой маленький проект, зачем учиться, зачем делать первые тяжелые шаги и зарабатывать копейки, если мальчишки в его возрасте уже покупают дорогие спорткары? Чужой быстрый старт лишил его воли. Он выбирает не делать ничего. Он просто сидит, копит желчь, считает

чужие бюджеты и ждет, когда мир наконец поймет, какого титана он упускает, пока его собственная молодость уходит сквозь пальцы.

Третий сюжет. Мужчина, сорок пять лет. Тот самый «верный, надежный друг». Он всю жизнь провел в тени своего более успешного одноклассника. Он терпел его взлеты, покорно ходил к нему на праздники, пил его дорогой алкоголь и улыбался, улыбался, улыбался. И вот, спустя двадцать лет, у успешного друга случается тотальный крах. Бизнес накрылся проверками, жена подала на развод, имущество описывают за долги. И в этот момент этот «верный друг» буквально расцветает. Его многолетняя хандра исчезает без следа, в глазах появляется блеск. Он звонит пострадавшему каждые два дня под видом «искренней поддержки»: «Ну как ты там, держись, брат, если что - я рядом...». Но внутри него в этот момент играет праздничный оркестр и взрываются салюты. Чужое несчастье полностью исцелило его собственную ничтожность. Он наконец-то чувствует себя победителем. Не потому что он поднялся, а потому что другой упал в ту же грязь, где он сам сидел всю жизнь.

Четвертый сюжет. Человек, одержимый «идеальностью». Он не ищет легких денег или чужих яхт, он завидует чужой святости, продуктивности и чистоте. Он скрупулезно следит за теми, кто успевает медитировать в пять утра, правильно питаться, читать по книге в неделю и излучать абсолютный дзен. Этот человек превратил свою жизнь в филиал концлагеря. Он взвешивает каждый грамм еды, наказывает себя за лишнюю минуту сна, считает калории и шаги с религиозным фанатизмом. Его фиксация на «чистоте» - это та же самая удушливая злоба, только вывернутая наизнанку. Он делает это не из любви к себе, а из панического страха оказаться «хуже тех, идеальных». Он презирает свое слабое, живое тело, он ненавидит себя за каждую слабость, превращая свои дни в сухую, механическую гонку за чужим стандартом. Он раб чужого совершенства, который забыл, каково это - просто дышать.

Заметь - я не называл тебе их имён. Не потому что они не важны. А потому что они тебе не нужны. Ты и так уже примерил каждую из этих историй на себя - где-то на середине ты дёрнулся, узнав собственную

интонацию, собственную ночь, собственный звонок "верному другу" с той самой фальшивой заботой в голосе.

Хочешь имя? Возьми своё. Подставь в любую из четырёх историй - оно подойдёт идеально, без единой лишней буквы.

И вот что самое любопытное во всей этой коллекции - ни один из них не счастлив на самом деле. Женщина с обоями, которые кажутся ей нищетой, никогда не узнает, что женщина с яхтой ненавидит свой брак. Парень с пыльной должностью никогда не узнает, что девятнадцатилетний миллионер на видео не спит ночами от тревоги и горстями принимает антидепрессанты. Вы все смотрите друг на друга через витрину и завидуете отражениям, которые сами же отполировали до зеркального блеска.

Это даже не пирамида. Это карусель. Каждый завидует тому, кто стоит на соседней лошадке, и никто не замечает, что карусель просто крутится на месте.

Вы отравляете друг друга по цепочке, передавая этот яд из рук в руки, как олимпийский огонь вашего общего убожества. И самое прекрасное для меня - вы делаете это абсолютно добровольно. Мне больше не нужно поджигать ваши дома или нашептывать проклятия. Достаточно просто показать тебе чужое окно, в котором горит чуть более яркий свет, и ты сам сожрешь себя до костей.

Ты превратился в ментального тунеядца, в серую, полупрозрачную тень, которая способна существовать только относительно чужого солнца. У тебя больше нет собственных желаний - тебе нужно лишь то, чем хвастаются другие. У тебя нет собственного пути - ты просто плетешься сзади, фиксируя чужие следы и проклиная того, кто идет впереди. Твоё время, твоя энергия, твои утренние мысли - всё без остатка инвестировано в чужие витрины.

А карусель продолжает крутиться. Музыка играет, деревянные лошадки мерно покачиваются, и тебе кажется, что ты вот-вот догонишь того, кто впереди. Ещё один рывок, ещё одна покупка в кредит, ещё один фальшивый статус, ещё один звонок с приторным «рад за тебя» - и ты сравняешься.

Но гонка окончена, сударь. Она была окончена в ту самую секунду, когда ты согласился в ней участвовать.

Пока ты исходил этой бессильной, удушливой злобой, твоя единственная, неповторимая, по-настоящему драгоценная жизнь тихо сгнила в углу и утекла в утиль. Карты, которые сдали лично тебе, так и остались лежать нетронутыми на столе. Твоя собственная книга осталась ненаписанной. Ты так и не узнаешь, кем мог бы стать, потому что был слишком занят изучением чужих тиражей.

Механизм работает безупречно. Ты сыт, уставший и глубоко несчастен. Ты идеальный элемент моего пейзажа.

Ну же, посмотри на соседа. Видишь, как ярко блестит его новая лошадка? Дёргай за рычаг. Круг начинается снова.

За ленточкой финиша ничего нет.

Вы это знаете. Вы всегда это знали.

Именно поэтому вы так яростно копите - чтобы не останавливаться.

Потому что остановиться - значит наконец это почувствовать.

IV

Сколько нужно, чтобы стало достаточно?

Назови число. Любое. Миллион. Десять. Сто. Назвал? Хорошо. А теперь честно - ты ведь уже почувствовал, как где-то внутри это число тихо сдвинулось чуть дальше. Само. Без твоего разрешения.

Это не случайность. Это и есть весь механизм. Я не задаю тебе вопросов, на которые есть ответ. Я задаю вопросы, которые сломаны изначально - чтобы ты тратил на них всю жизнь и не заметил подмены.

Когда-то деньги были инструментом. Куском металла или бумаги, который ты обменивал на хлеб, на крышу, на спокойный сон. Простая, честная функция - как лопата или верёвка. Но в какой-то момент - и я горжусь этим моментом - деньги перестали быть инструментом для жизни. Они стали смыслом жизни. Доказательством того, что ты существуешь.

Ты не копишь, чтобы купить свободу. Ты копишь, потому что цифра на экране банковского приложения - единственное доказательство твоей значимости, которое у тебя осталось. Без этой цифры ты боишься, что окажешься пустым местом. Поэтому ты следишь за ней. Каждый день. Иногда несколько раз в день. Маленький ритуал самоутверждения, который ты даже не замечаешь как ритуал.

Я не злюсь на тебя за это. Я веду счёт.

Самое забавное, что на каком бы этаже этой башни вы ни находились, вы все начинали из одного и того же чувства. Из страха. Вы называли это поиском безопасности.

Обыватель откладывает копейки на чёрный день, боясь, что завтра его вышвырнут на улицу из арендованного угла. Чиновник берёт свою первую взятку, уверяя себя, что это просто «на всякий случай», чтобы обеспечить детям старт. Президент ворует миллиардами, переписывая бюджеты целых стран на подставные офшоры, потому что его страх соразмерен его креслу - он панически боится потерять власть и оказаться на плахе. И даже те старые,

непубличные династии, чьи имена веками шепчут с придыханием в закрытых клубах, скупают целые отрасли и земли не от великой силы. Они делают это от экзистенциального ужаса перед тем, что хаос нового века сотрёт их гербы с лица земли.

Капкан устроен одинаково для всех. Система незаметно совершает подмену, которую ни один ваш хвалёный, расчётливый ум не способен зафиксировать.

Твоя подушка безопасности очень быстро превращается в удавку. Сколько бы нулей ни добавилось к счёту - тысяча, миллион или одиннадцать миллиардов из суверенного фонда - страх никуда не уходит. Он просто мутирует, становится больше, тяжелее и изощрённее. Раньше ты боялся нищеты, теперь ты панически боишься потерять то, что успел урвать.

Мелкий клерк трясётся над курсом валют в телефоне. Коррупционер не спит ночами, ожидая стука в дверь или предательства соратников. А теневые хозяева рынков судорожно перекраивают границы и устраивают кризисы, лишь бы удержать ускользающий баланс сил. Вы все не купили себе покой. Вы просто нанялись на службу охранниками к собственным цифрам. Вы рабы, которые сторожат своё золото, пока ваша единственная, живая и настоящая жизнь проходит мимо запертых ворот вашего личного хранилища. Страх остался прежним, просто у одних он упакован в полиэтиленовый пакет под матрасом, а у других - в засекреченные трасты на островах.

И чтобы этот страх приносил мне доход круглые сутки, для вас была создана идеальная иллюзия под названием «финансовая грамотность».

Раньше, чтобы иметь больше, нужно было тяжело вкалывать или идти на грабёж. Сегодня твоя жадность превратилась в тихую, стерильную манию. Целая индустрия продаёт тебе мечту о лёгких деньгах из воздуха, которые вы гордо зовёте «инвестициями» или «пассивным доходом». Но давай по честному: ты просто сидишь на игле.

Твой мозг полностью парализован мыслью о росте. И неважно, как именно ты это делаешь. Один из вас круглые сутки дёргается у экрана телефона, проверяя, поднялся ли счёт в банке и капнул ли туда лишний процент. Другой - и таких большинство - просто тащит каждую заработанную

единицу в свой тайный угол, панически набивая кубышку под матрасом или пряча заначку в шкафу.

Вы больше не создаёте ничего ради радости - вы не строите дома, не учите детей, не печёте хлеб. Вы превратились в сторожевых псов для собственных денег. Вы лишаете себя нормальной еды, хорошей одежды, отдыха, вы сжигаете свои нервы ради призрачного удовольствия увидеть, что пачка купюр в заначке или цифра на экране стала чуть-чуть длиннее. Ты продал свой живой, настоящий покой за сухую радость чахнуть над своим тайником.

Не думай, что я обошёл стороной молодость, посчитав её слишком легкомысленной для этой болезни. У неё просто другой тайник и другая валюта. Вместо банковского счёта - счётчик подписчиков. Вместо процента годовых - лайки, просмотры, охваты. Тот же мозг, парализованный мыслью о росте, та же игла, та же бессонная проверка циферок на экране в три часа ночи. Только вместо денег вы копите внимание - валюту, которую не положишь в банк и не передашь по наследству, но за которую точно так же продаёте свой покой, свой сон и свою настоящую, невозвратную юность.

Но это масштаб частный. Посмотри, как красиво моя математика работает на уровне системы, которую вы уважительно зовёте «бизнесом».

Корпоративная культура - это мой шедевр. Культ вечного роста. Раковая клетка, которая не способна остановиться, пока не убьёт весь организм. Компания закрывает квартал с исторической, рекордной прибылью. Что делает совет директоров? Радуется? Выдыхает? Нет. Они поднимают KPI на следующий год ещё на двадцать процентов. Им всегда мало. Never enough. И ты, со всеми своими дипломами и амбициями, превращаешься в уголь для этой топки. Ты выгораешь, уничтожаешь здоровье, спишь на транквилизаторах, не видишь, как растут твои дети, ради того, чтобы стрелочка на презентации твоего босса продолжала ползти вверх. Ты добровольно сжигаешь себя ради чужого отчёта, потому что тебя научили: расти или умри.

Деньги стёрли твою личность и превратили тебя в ходячий ценник. Вы больше не смотрите друг другу в глаза. Вы сканируете стоимость. Сколько стоит его час? В каком районе его офис? Какой класс обслуживания прописан

в его билете? Вы измеряете человеческую ценность в жидкой валюте. Если твоя цифра меньше, чем у соседа - ты ничтожество. Если больше - ты получаешь иллюзорное право презирать.

Но не думай, что моя математика касается только хрустящей бумаги или золотых слитков. Было бы слишком скучно ограничивать вас только банками. Вы умудрились превратить в накопительство абсолютно всё, к чему прикасаются ваши жадные руки.

Посмотри на это новое, изящное безумие – коллекционирование самой жизни. Вы жадно копите дипломы, сертификаты, пройденные курсы и строчки в резюме - не ради знаний, а чтобы сложить их в ментальную копилку. Вы с маниакальной страстью копите подписчиков, лайки, просмотры, измеряя свою значимость в цифровых единицах. Вы превратили в жадность даже свои путешествия: вы не смотрите на древние храмы или океан, вы «фиксируете точку», ставите галочку в списке, пополняете личную коллекцию стран и впечатлений. Вы превратились в Плюшкиных новой эпохи, которые тащат в свою внутреннюю нору терабайты фотографий, воспоминаний и статусов, просто чтобы обладать ими. Ты боишься остановиться и просто побыть в моменте, потому что недополученное впечатление кажется тебе финансовым убытком. Ты жадно глотаешь города, книги и людей, не успевая почувствовать их вкус, лишь бы твой личный счёт «достижений» рос. Ты накопил огромную, красивую биографию, но так и не успел пожить.

И, конечно, у этой медали есть обратная, самая изящная сторона. Когда цифры на твоих счетах начинают пугать тебя своим весом, на сцену выходит индустрия искупления, которую вы уважительно зовёте «благотворительностью».

О, это мой любимый департамент. Если в кулинарном грехе вы придумали детокс и фитнес, чтобы заглушить вину за съеденное, то здесь вы создали институты филантропии. Механизм безупречен: человек тридцать лет выжигает землю, разоряет конкурентов, уничтожает экологию, платит своим рабочим копейки, выжимает досуха целые регионы и берёт миллиардные взятки. А потом, под занавес жизни, он основывает именной

фонд. Он строит университет, жертвует миллион больнице или вписывает своё имя на фасад новой галереи.

И - о чудо! - мир тут же забывает про кровь, пот и слёзы, на которых были построены эти деньги. Тебя больше не зовут грабителем или коррупционером. Телеканалы с придыханием называют тебя «великим филантропом» и «гуманистом». Твой грех не просто купил себе прощение, он купил себе бессмертие и славу. Ты нанял пиарщиков, чтобы они отмыли твоё золото, и теперь ты сидишь на благотворительных приёмах в смокинге, благостно кивая головой, пока Система аплодирует твоей щедрости, сделанной на украденные у неё же центы. Это величайшая сделка: ты покупаешь билет в рай на деньги, за которые продал душу.

Посмотри на тех, кто прошёл этот путь до самого конца. Они думают, что победили Систему, но они - её лучшие винтики.

Мелкая, почти крысиная жадность, которая въелась в каждое бытовое движение. Взгляни на этих людей. Они не миллионеры, они обычные обыватели, которые считают себя «ушлыми», «экономными» и «прагматичными». На деле же они просто спускают свои жизни в унитаз ради копеечной выгоды.

Посмотри на этого мужчину. Он стоит на кассе в супермаркете и устраивает дикий скандал из-за того, что цена на ценнике в зале на пару единиц ниже, чем пробилось в чеке. Он задерживает очередь, он выводит из себя уставшую кассиршу, он портит нервы всем вокруг - и все это с таким важным, гордым лицом, будто он только что предотвратил ограбление века. В его глазах горит этот ущербный, мелочный триумф: «Я их сделал! Я не дал себя обмануть!». Он убьет три часа своего единственного выходного дня, чтобы пролистать десять сайтов, доехать на другой конец города и выгрызть скидку на какую-то деталь. Он не понимает, что час его жизни стоит дороже, чем вся эта жалкая выгода. Ему плевать на время. Его экстаз - в мысли, что он обхитрил систему, а все остальные - лохи, переплатившие полную стоимость.

А рядом - женский эквивалент той же самой болезни, маскирующийся под «заботу о доме». Женщина, которая способна час отстоять в душной давке за акционным товаром, который ей, по большому счету, даже не нужен.

Она превращает поход за покупками в карательную операцию: обойдет три соседних магазина, вытрясет душу из трех продавцов, требуя доказать ей цену, сравнит каждый цент и уйдет с гордо поднятой головой, сэкономив сущую мелочь, но растратив весь свой внутренний ресурс. Дома она устроит допрос мужу за неправильно купленный хлеб, который стоил чуть дороже, и будет неделями пилить его за «расточительство».

Их мозг полностью оккупирован этой возней. В их домах никогда нет ощущения праздника или уюта, там пахнет только вечным дефицитом и страхом переплатить лишнее. Они думают, что они «хозяйственные», но на самом деле они просто нищие духом люди. Они всю жизнь «срезают углы» и копят, так и не заметив, что сэкономили на своей собственной радости.

Второй сюжет. Жадность в отношениях, превращенная в обычный торг на рынке. Вы так гордитесь своей современной жизнью, но ваши чувства теперь похожи на кассу в супермаркете.

Парень, который постоянно твердит про «честность», а сам в уме ведет мелочный подсчет. Он помнит, кто сколько скинул за кофе на первом свидании, делит пополам чек за ужин, до копейки высчитывает плату за коммуналку и проверяет, сколько его девушка потратила на подарок его маме. Перед свадьбой он ночами не спит и пересчитывает конверты: окупятся ли гости, сколько кто подарит и не слишком ли много взял ведущий.

Но с противоположной стороны стола на него смотрят глаза, в которых крутится точно такой же счетчик. Девушка, которая с первой минуты оценивает парня как кошелек на ножках. Она сканирует бренд его телефона, марку машины, кем он работает и сколько может на нее потратить. Ее «любовь» - это просто конкурс, где побеждает тот, у кого больше денег. Она торгует своей молодостью и внешностью, требуя взамен подарки, поездки и рестораны, и устраивает холодные истерики, если подругам парни покупают вещи дороже.

Этот внутренний калькулятор не затыкается у вас ни на секунду. В вашем мире больше нет места простой, глупой и красивой щедрости. Вы убили свою способность любить мелочным подсчетом: кто кому сколько должен и кто на кого сколько потратил. Вы оба никогда не будете счастливы,

потому что даже обнимая друг друга, вы подсознательно считаете, выгодно вам это или нет.

Третий сюжет. Обычный человек со средней зарплатой, который незаметно для себя сошел с ума на почве экономии. Он не пытается заработать больше - он пытается меньше тратить, превратив свою жизнь в сухую, механическую манию.

Этот человек откладывает больше половины от того, что получает, во всем себе отказывая. Посмотри, как устроен его день. Он покупает самые дешевые, резиновые продукты по скидкам, от которых разит химией, варит пустые каши и считает каждую ложку сахара. В его квартире зимой холодно, потому что он экономит на отоплении или свете, заставляя себя сидеть в темноте. Он годами не был в кино, не знает вкуса хорошего кофе в кафе и никогда, принципиально не дарит подарков близким, считая это «пустыми тратами». На любой праздник от него дождешься в лучшем случае дежурного сообщения, ведь чашка чая для гостя - это непредвиденный расход.

Он полностью оборвал все связи с друзьями, потому что любое общение требует денег: нужно либо скидываться на пикник, либо ехать на метро, либо прилично одеваться. Он остался один в своей пустой, серой коробке. Он утешает себя тем, что «строит капитал», «обеспечивает будущее» и поступает «мудро», в отличие от транжир вокруг. Но его будущее никогда не наступит. Он уже проживает серую, нищую, убогую жизнь бомжа при наличии вполне приличного счета в банке.

Ему не нужны вещи, ему не нужны впечатления. Сам процесс того, как пачка купюр в тайнике становится толще или цифра на экране прибавляет единицу, стал для него единственной формой удовольствия. Это его безопасный, сухой экстаз - прийти вечером домой, запереть дверь на три замка, открыть заветную вкладку или достать конверт и почувствовать себя защищенным. Он заживо похоронил себя в этой экономии, став нищим при деньгах, сторожащим собственный ментальный гроб.

Четвертый сюжет. А теперь поднимемся на самый верх и посмотрим на крупного хищника - большого бизнесмена, у которого есть заводы, торговые

сети и миллионы на зарубежных счетах. Вы смотрите на него в журналах и на экранах с завистью, думая, что он-то поймал бога за бороду. Какая глупость.

Посмотри, как этот человек просыпается в три часа ночи в холодном поту. Он не идет к холодильнику, он судорожными пальцами хватает телефон, чтобы проверить, сколько он заработал или потерял за те четыре часа, что спал. Его жадность красиво упакована в лозунги про «развитие компании», «масштаб» и «новые рынки». Но давай снимем этот глянец. Внутри него сидит точно такой же испуганный, дерганый ребенок, как и у клерка, который экономит на такси.

Он ментально полностью отсутствует в собственной жизни. Он сидит за роскошным столом в дорогом ресторане, напротив него - его красивая жена и холеные дети, но его взгляд мертв. Он смотрит сквозь них в экран телефона, потому что где-то там падает прибыль или конкуренты перехватывают контракт. Он не чувствует вкуса еды, не слышит, о чем говорят его близкие. Он не может остановиться ни на одну секунду, потому что любая остановка кажется ему катастрофой. У него есть деньги, чтобы купить сто таких жизней, но у него нет пяти минут, чтобы просто посидеть в тишине и выдохнуть. Его жадность стала его тюрьмой. Он засыпает свою внутреннюю черную пустоту более дорогим мусором - яхтами, виллами, частными самолетами, но дыра внутри него не уменьшается ни на миллиметр. Он раб своего огромного бизнеса, который точно так же, как матрас бедняка, сожрал его душу без остатка.

Пятый сюжет. Наследники. Поколение, которое ещё не сделало ни одного вздоха, но уже отравлено этой математикой. Я вижу детей, которые рождаются в золотых клетках, построенных на жадности их отцов. Они не знают цены вещам, но они с пелёнок знают цену людям. Эта ментальная кислота передаётся по наследству вместе с трастовыми фондами.

Здесь сценарий всегда двоякий, и оба мне угодны. Либо это холёные, пустые мажоры, которые с невиданным цинизмом и скоростью проматывают то, ради чего их родители продавали свои жизни - они превращают миллиарды в пыль, наркотики и элитный хлам за пару лет, доказывая абсолютную бессмысленность родительского выгорания. Либо, что ещё страшнее, они перенимают родительский вирус страха. Они становятся ещё

более жестокими, холодными и подозрительными. Они с юности видят в каждом человеке охотника за их капиталом. Они не способны любить, не способны дружить, они строят вокруг себя стены из юристов и брачных контрактов. Родительская жадность не подарила им свободу - она передала им по наследству более тяжёлые, инкрустированные бриллиантами цепи.

Заметь, в этой главе я тоже не назвал ни одного имени. Не потому, что их нет в моих списках. А потому, что масштаб цифр не меняет сути. Суть у всех вас одна.

Вы все смотрите друг на друга через призму баланса, завидуя тем, у кого цифра длиннее, и презирая тех, у кого она короче. Но вы упустили главное.

Деньги - это единственное изобретение человечества, которое не имеет физического предела насыщения. Если ты съешь три килограмма еды - тебя стошнит. Если ты попытаешься спать двадцать часов в сутки - у тебя расколется голова. Физиология держит вас в узде. Но цифра на счёте? Вы никогда не скажете: «Остановитесь, мне больно, у меня слишком много нулей». Этот наркотик не имеет потолка.

И пока ты бежишь за этим бесконечным «больше», твоя единственная, невозвратная жизнь утекает сквозь пальцы. Время - это единственный актив, который нельзя реинвестировать, докупить на просадке или взять в лизинг. Но ты обменял его на пиксели в приложении.

Когда твоё дыхание оборвётся, твоя идеальная, выверенная цифра просто обнулится. И вот тогда начнётся финальный акт этого фарса.

Твоё тело ещё не успеет остыть в больничной палате - и неважно, платил ли ты миллионы за лишнюю неделю жизни в дорогой клинике или лежал на рваной простыне в районной больнице. Твои веки едва закроются, а в коридоре уже начнётся тихий, яростный шёпот. Твои дети, твоя верная жена, твои друзья или партнёры - все те, ради кого ты, как тебе казалось, копил и отказывал себе во всём, - будут стоять у твоей постели с мёртвыми глазами, судорожно подсчитывая доли. Они будут выдавливать слёзы перед знакомыми, но в их карманах пальцы будут сжимать телефоны, отправляя сообщения юристам или нотариусам.

Я увижу твои похороны. О, масштаб будет разным, но суть - одна. У кого-то это будет роскошное зрелище с гробом из дорогого дуба, морем венков и фальшивыми речами о «величии». У кого-то - скромные поминки со стандартными слезливыми вздохами. Но ни там, ни там никто не будет думать о тебе.

Наследники богача будут мысленно делить его дома, яхты и зарубежные счета, втайне проклиная покойника за то, что он не оставил завещание чуть более чётким. А родственники обычного человека уже на кладбище будут коситься друг на друга, прикидывая, кому достанется его квартира, кто заберёт старую машину и в какой шкаф он спрятал тот самый заветный сверток с заначкой. Горе ещё не успеет утихнуть, а они уже начнут многолетнюю, грязную войну, поливая друг друга помоями и бегая по судам ради лишнего куска твоего наследства. Сестры перестанут общаться, братья станут врагами, дети проклянут матерей.

Ты отдал все свои утренние мысли, своё здоровье, свои бессонные ночи и тёплые семейные вечера ради того, чтобы после твоей смерти самые близкие люди превратились в стаю голодных псов, рвущих твоё имущество на куски. Ты чах над своими цифрами в телефоне или бумажками под матрасом, ты не жил сам и не давал жить другим. И ради чего? Чтобы устроить эту гнилую драку у своего гроба?

Твой баланс полон. Твоя жизнь пуста. В твоей могиле нет карманов, сударь.

Распишись в аудите. И возвращайся к своей экономии - у твоих будущих вдов и сирот слишком большие аппетиты на то, что останется после тебя.

Деньги не греют.

Вы знаете это. Вы чувствуете это каждый вечер, когда закрываете приложение с цифрами и ложитесь в пустую кровать.

Поэтому следующий шаг всегда одинаковый. Всегда.

V

Какая забавная ирония. Из всех моих изобретений это вы защищаете с самым яростным, почти религиозным фанатизмом. Вы завернули этот древний животный инстинкт в красивые, сияющие обёртки с надписями «свобода», «самовыражение», «принятие себя» и «право на удовольствие». Вы объявили тотальную войну любым внутренним тормозам, уверенные, что наконец-то сбросили оковы старого мира и стали свободными.

Но давай без глупостей. Я не ханжа и не собираюсь читать тебе скучные морали. Мне глубоко плевать на твои постельные привычки. Меня интересует кое-что гораздо более масштабное и жуткое - то, как вы добровольно уничтожили саму способность искренне отдавать себя другому человеку.

Величайшее чудо человеческой связи вы низвели до обычного физиологического отправления. Свести его к формуле «пожрать и размножиться», но только ради чистого, эгоистичного удовольствия -вот ваш новый, никем не подписанный манифест. Вы возвели бездумность совокупления в абсолютную нормальность. Животный уровень теперь считается прогрессом, а умение сдерживать свои порывы - ментальной болезнью.

И посмотри, к чему это привело. Институт семьи - структура, на которой тысячелетиями держалось всё ваше общество, - превратился в груду дымящихся развалин. Вы больше не строите дома на века, вы не создаёте крепости, в которых могут безопасно расти ваши дети. Вы просто арендуете временные койко-места в жизнях друг друга до первого бытового сквозняка.

Человеческое тепло разобрано на шестерёнки, стандартизировано и поставлено на конвейер. Интимность стала самым ходовым, циничным и быстропортящимся товаром на глобальном рынке.

И в этой грязной торговле нет невинных. Это стерильная стагнация в которую вы погрузились вдвоём. Да, многие женщины сегодня пали на самое дно, превратив свою молодость, внешность и внимание в сухой

коммерческий товар. Они готовы на всё ради денег, шмоток и статуса, торгуют собой в приложениях и соцсетях. Но давай честно: разве они сделали это в одиночку? Им с огромным удовольствием помогли мужчины. Именно мужчины, размахивая кошельками и требуя пластиковых иллюзий, создали этот безумный спрос. Мужчины приучили их к тому, что за тело можно купить весь мир, а сами превратились в дёрганых потребителей, не способных на мужские поступки. Вы стоите друг друга. Мясо покупает мясо - идеальный круговорот опустошения.

Целые корпорации, алгоритмы и индустрии зарабатывают триллионы на вашем тотальном, безысходном одиночестве, которое вы пытаетесь заглушить чужой кожей. О, как же это красиво. Какая филигранная, изящная работа.

Раньше, чтобы найти партнёра, нужно было выйти из дома. Поговорить. Рискнуть быть отвергнутым лицом к лицу, покраснеть, запомнить этот стыд и стать смелее в следующий раз. Это было неудобно, долго и иногда болезненно. Естественный отбор для характера. Какое варварство.

Сегодня всё свелось к одному божественному жесту большим пальцем. Я обожаю этот жест. Сотни лиц проходят перед глазами за один вечер, как товары на полке гипермаркета. Влево - отказ. Вправо - временный интерес, который растворится через три сообщения. Человек, со всей его сложной историей, страхами и надеждами, превратился в карточку для голосования: годен или не годен по одной фотографии под правильным углом. Разве это не триумф прогресса?

Алгоритму категорически не выгодно показывать того, кто подойдёт по-настоящему - это была бы катастрофа для бизнеса. Зачем закрывать запрос пользователя, если можно держать его в состоянии лёгкого голода вечно? Моя система подкидывает ровно столько совпадений, чтобы приложение не было удалено, но никогда - достаточно, чтобы человек остановился. И вы послушно платите за подписку, чтобы анкету демонстрировали чуть выше других в этой бесконечной витрине одиночества. Вы в буквальном смысле платите мне за надежду! Какая восхитительная монетизация пустоты.

Но самая сладкая часть этой схемы начинается тогда, когда человек, вымотанный этим конвейером лиц, замечает, что внутри что-то надломилось. Когда он понимает, что больше не может привязаться, не может довериться, выгорает от самого процесса выбора. Думаешь, он бежит спасаться? Нет! На сцену услужливо выходит мой главный, самый любимый партнёр по этому бизнесу.

Целая армия коучей, экспертов по отношениям и дипломированных психологов. О, я готов аплодировать им стоя. Это потрясающий обслуживающий персонал, задача которого - научно обосновать, почему оставаться одиноким, трусливым и инфантильным потребителем плоти - это высшая точка эволюции. За ваши же деньги они продадут вам тонны глянцевых, стерильных терминов: «эмоциональная доступность», «личные границы», «токсичная привязанность».

Они не лечат рану – они переименовывают её в добродетель, и это гениально. Вместо того чтобы честно сказать: «Ты трус, ты боишься ответственности, боишься реального человека с его недостатками и подсел на дофаминовую иглу свайпов», психолог ласково погладит по голове и шепнет: «Ты просто выбираешь себя. Твоя неспособность остановиться на одном человеке - это не страх и не зависимость, а смелость не загонять себя в рамки и расширять опыт».

Они превратили обычный блуд и потребительское отношение к людям в «здоровый поиск». Они выписывают вам псевдонаучные индульгенции, учат манипулировать на свиданиях и безболезненно выбрасывать людей из жизни, называя это «экологичным расставанием». Какой безупречный бизнес-симбиоз: приложения ломают вашу способность любить, а психологи берут оплату за диагноз, который делает вас их постоянным клиентом на годы вперёд. Они легализовали этот бред!

Вы создали целую индустрию учителей, наставников и хирургов, которым платите огромные деньги за одну-единственную услугу - чтобы они окончательно вытравили из вас способность чувствовать и превратили в стандартизированных, дрессированных роботов.

Посмотрите, как красиво этот капкан захлопывается с двух сторон одновременно.

С одной стороны - залы, забитые мужчинами. Их учат «взламывать» женщин. Им внушают, что живой человек напротив - это просто субстрат, набор психологических триггеров и алгоритмов, которые нужно правильно нажимать, чтобы получить доступ к телу. Пикап-тренеры с гордостью обучают их цинизму, техникам манипуляций, умению «держать дистанцию» и обесценивать чужую привязанность. Парни отдают последние сбережения, чтобы научиться трусливо прятать свою уязвимость за маской альфа-самцов, коллекционируя одноразовые победы как спортивные трофеи. Они выходят из этих классов идеальными хищниками, способными соблазнить кого угодно, но абсолютно неспособными удержать ни одну живую душу.

А в соседнем зале, через дорогу, сидят девушки, на которых эти хищники собираются охотиться. Но они больше не хотят быть жертвами - они хотят быть бенефициарами. И они платят еще большие деньги «коучам успешной жизни» и создательницам курсов «дорогих женщин». Пока одни перекраивают свои лица и тела у хирургов под единый, одобренный рынком глянцевый стандарт, другие в это же время перекраивают свои мозги. Их обучают техникам манипуляций, дрессировке мужчин через отказ, правильному выпрашиванию подарков и брендовых шмоток под видом «раскрытия женской энергии». Их учат видеть в мужчине не личность, а ходячий кошелек, чей статус определяется исключительно маркой автомобиля и размером банковского счета. Их заставляют верить, что они - товар высшего качества, который нужно уметь правильно презентовать и дорого продать.

И вот этот дрессированный, кастрированный пикапом парень встречает такую же дрессированную, заточенную на потребление девушку с перекроенным лицом. Они сходятся в танце, где каждый пытается переиграть, переманипулировать и использовать другого. Это не свидание, это переговоры двух циничных коммерсантов, каждый из которых до смерти боится показаться слабым и искренним. Они играют по чужим методичкам, смотрят друг на друга через призму инструкций из интернета и до ужаса боятся просто открыть душу.

Вы сами, за свои собственные деньги, наняли учителей, чтобы те убили в вас человека. Вы добровольно превратили любовь в войну на поражение,

где победитель получает лишь абсолютное, ледяное одиночество на двоих. Вы выигрываете эту манипулятивную игру и одновременно теряете единственное, что имело значение.

Самое восхитительное в этой индустрии - её финал. Ведь молодость - это скоропортящийся товар с очень коротким сроком годности. И когда этот срок истечёт, когда тренды изменятся, а фильтры в телефонах больше не смогут прятать реальность, этот рынок просто вышвырнет вас на обочину за ненадобностью. Вы останетесь наедине со своими переделанными телами и заученными скриптами. Мужчины, превратившиеся в седых, дёрганых циников, способных покупать лишь имитацию тепла. Женщины, ставшие глянцевыми памятниками собственным страхам, у которых за душой не осталось ничего, кроме прейскуранта. Вы будете смотреть друг на друга сквозь стекло своего тотального, выжженного одиночества, панически боясь признаться себе в главном: вы потратили всю жизнь на то, чтобы стать идеальным продуктом на моей витрине, но так и не научились быть людьми.

Упаковка безупречна. Внутри - мёртвый пластик. Но конвейер не останавливается ни на секунду. На смену вам уже подрастают новые, свежие партии биоматериала, готовые повторить этот круг.

Спустимся ещё ниже. Туда, где уже не индустрии и не алгоритмы, а сами вы, без всякой технологии под рукой, прекрасно справляетесь без посторонней помощи. Какое невероятное, захватывающее зрелище - наблюдать за тем, как под лозунгами свободы рушится то, что веками считалось нерушимой крепостью. Институт семьи действительно уже превращён в груду дымящихся развалин, и сделано это руками самих жильцов, без всякого внешнего принуждения.

Взгляни на этого мужчину. Женат восемь лет, двое детей, дом, в строительство которого вложена половина жизни. На корпоративе он чувствует то самое тянущее, скучающее любопытство - не страсть, не любовь, просто зуд, который наконец нашёл повод. Он говорит себе, что это «ничего не значит», что жена «не узнает», что он «имеет право» после стольких лет рутины. Он лжёт не один раз. Он лжёт каждое утро за завтраком, ловит мимолётные взгляды, прячет телефон, фальшиво улыбается каждый вечер у телевизора, годами - пока правда не взрывается и не уносит с собой дом, в

который он сам впустил эту скуку. Ради пяти минут бездумного совокупления он оставляет за собой руины, искренне удивляясь, почему цена за секундную погремушку оказалась такой непомерной.

А рядом - замужняя женщина, у которой, в общем-то, всё хорошо. Муж любит, заботится, обеспечивает стабильность. Но внутри неё зреет ядовитая мысль: «Я достойна лучшего. Жизнь проходит, а я погрязла в быту. Где мои бабочки в животе?». Насмотревшись на чужие фальшивые романы в сети, она пускается в измену с лёгкостью бабочки, летящей на огонь. Она искренне считает себя «жертвой рутины», оправдывая предательство поиском истинной себя. Она ищет того, кто будет вечно развлекать её эго, и выбрасывает годы преданности своего мужчины на помойку ради призрачной иллюзии, что где-то там её ждёт вечный праздник.

Или вот молодой парень, который только начинает строить жизнь с прекрасной девушкой. Она искренне любит его, заглядывает в глаза и готова делить с ним любые трудности. Но он не может остановиться. Каждый раз, видя в толпе или в ленте телефона чужие ноги и улыбки, он ловит укол жадности: «А вдруг я упускаю что-то получше? Зачем связывать себя сейчас, если выбор бесконечен?». Он изменяет ей тайно, трусливо, перебирая одноразовые связи, уверяя себя, что просто «набирается опыта». Он ломает её доверие к миру и выжигает собственную способность любить просто потому, что подсел на вечное ожидание «улучшенной версии» партнёра.

А вот девушка, ей двадцать два. У неё есть парень - обычный, не самый богатый, но тот, что смотрит на неё так, будто она единственная женщина на земле. Он пишет ей утром просто потому, что думал о ней. Он помнит детали, которые она упоминала случайно месяц назад. Но ей скучно с этой надёжностью. Рядом услужливо оказывается либо «павшая» подруга, которая давно превратила себя в рыночный товар и теперь из глухой зависти капает ядом в уши, поучая глупости искренних чувств, либо бесконечная лента соцсетей, которая транслирует фальшивую роскошь и внушает, что любовь без дорогого фасада - это неудачничество. Экран и окружение наперебой объясняют ей, что глупо тратить молодость на нищего. И девушка послушно соглашается. Она начинает называть это «отсутствием перспектив» и «недостаточной амбициозностью». Она хочет того, кто

впечатлит подруг, того, у кого есть деньги, машина, статус - она называет погоню за этим «безопасностью», «трезвым расчётом», «заботой о своём будущем».

Она уходит от него к тому, кто богаче. Потом к ещё одному, кто богаче того. С каждым новым она убеждает себя, что наконец нашла то самое, а на деле просто меняет одну пустоту на другую, чуть более дорого упакованную. Годы идут. Лица мужчин в её жизни мелькают, как страницы каталога, который она перелистывает в поисках чего-то, чего там никогда не было.

И вот ей тридцать. Она одна, в красивой квартире, оплаченной кем-то чужим, с пустотой внутри, которую не закрыть никаким переводом на карту. Она вспоминает того первого - обычного, небогатого, искренне любившего. И впервые за десять лет позволяет себе подумать: что, если это было единственным настоящим, что у неё было? Она ищет его в соцсетях. Видит фотографию - он счастлив, рядом другая женщина, дети. Дверь, которую она сама закрыла своими руками много лет назад, оказалась заперта навсегда. И самое жестокое в этой истории - никто её по сути туда не толкал. Она сама, своими собственными ногами, прошла этот путь, на каждом шагу выбирая то, что блестело, вместо того, что было настоящим.

Вы смотрите на эти четыре истории и думаете, что платите за этот банкет только сами? Что ваши тайные переписки, метания и поиски «лучшего варианта» касаются лишь тех, кто делит с вами постель? Какая наивность.

Самые честные, самые незащищённые свидетели всей этой «цыганской пляски» - не вы. А те маленькие существа, которых вы создали, даже не спросив их согласия на участие в этом цирке.

Вот ребёнок, которому семь. Он ещё не понимает сложных взрослых слов вроде «кризис отношений», «несовместимость» или «непреодолимые разногласия». Но он виртуозно, на уровне животных инстинктов, считывает тяжёлую, удушливую тишину за стеной, резкий хлопок входной двери в три часа ночи, мамины неестественно красные глаза за завтраком и папины виноватые извинения, которые повторяются слишком часто и слишком громко, чтобы быть искренними. Он растёт внутри этого перманентного радиационного фона, изо дня в день складывая в свою маленькую копилку

страха один простой, разрушительный вывод: любовь - это то, что обязательно заканчивается криком и битьем посуды. Привязанность - это ловушка, где тебя обязательно предадут.

Когда он вырастет, у него не будет шанса на здоровый старт. Он будет либо панически избегать любой близости, выстраивая вокруг себя глухие стены из цинизма и карьеры, лишь бы не повторить родительский ад, либо в точности скопирует его, ломая чужие жизни, потому что другой модели человеческих отношений ему просто не показали. Вы наивно полагали, что ваши измены и показательные разводы - это ваше личное дело? Вы просто передали свой ментальный вирус следующему поколению. Бесплатно, без подписки, прямо в кровь.

Но этот вирус уничтожает не только тех, кого заразили случайно. Моя система абсолютно справедлива: она пожирает и своих главных бенефициаров, тех, кто считал себя не жертвой чужого обмана, а гордым, свободным архитектором собственной независимости.

А вот другой финал - человек на закате жизни, который когда-то невероятно гордился тем, что «не загонял себя в душные рамки брака». Десятки партнёров за плечами, сотни мимолётных увлечений, огромный архив красивых, ярких историй для шумных застолий с друзьями... и ни одной истории для тихого, тёмного вечера вдвоём. Он искренне верил продвинутым психологам из интернета, утверждавшим, что разнообразие - это единственный путь к насыщению, и что чем больше тел, лиц и постелей он коллекционирует, тем полнее, свободнее и богаче становится его жизнь.

Но земная математика на исходе лет всегда оказывается обратной. Каждая новая поверхностная связь не прибавляла к его личности, а отнимала от неё - забирала крошечный, невосстановимый кусочек способности оставаться, доверять, прощать и выдерживать чужое несовершенство дольше трёх месяцев.

Теперь он один. И вовсе не потому, что за всю жизнь так и не встретил «того самого» человека - напротив, он цинично отверг десятки прекрасных, подходящих людей. Но все они неизбежно и быстро становились привычными, а привычка казалась ему ментальной смертью. Он всю жизнь отчаянно искал вечную новизну, а в итоге получил вечное одиночество - её

законного зеркального близнеца. Сегодня он сидит в идеальной, пустой квартире в окружении призрачных воспоминаний, которые невозможно позвать на ужин или попросить подать стакан воды, и наконец понимает: он не собирал жизнь. Он всю жизнь увлечённо коллекционировал её отсутствие.

Впрочем, у этой болезни есть и более утонченная форма - созданная специально для тех, кто брезгливо морщится при слове «расчёт» и искренне считает себя возвышенным романтиком.

Это человек, который умеет влюбляться отчаянно, до дрожи в коленях, до красивых стихов, бессонных ночей и слёз в подушку. Он отдаётся этому чувству целиком... но ровно до того момента, пока бушующий гормональный пожар не начинает превращаться в ровное, зрелое, тихое тепло настоящей привязанности. В этот момент вместо покоя он начинает ощущать смертельную скуку. Удушье. Панику. Внутренний сигнал к немедленному бегству.

Он не подсел на секс или физическую красоту. Его наркотик куда опаснее - он подсел на сам биохимический фейерверк первых недель. На бабочек в животе, на ночную переписку до утра, на сладкую тревогу неопределённости, когда весь огромный мир сужается до экрана одного смартфона.

Когда этот фейерверк неизбежно и естественно гаснет, уступая место глубокому труду настоящей близости, он ставит диагноз: «любовь прошла». Он собирает вещи и уходит искать следующий взрыв, оставляя за собой выжженную землю и разбитые сердца тех, кто поверил его клятвам. Год за годом, человек за человеком, он заново проживает только первую, самую лёгкую главу любой истории. Он свято верит, что просто ищет свой идеал, хотя на самом деле всю жизнь трусливо бежит от единственной вещи, которая делает любовь настоящей - от времени.

Переведи взгляд на другую сделку, где иллюзий уже не осталось, а остался сухой коммерческий расчёт. Женщина, которая окончательно смирилась с тем, что её внешность ценится на рынке выше, чем её мысли. Она встречает мужчину намного старше - он платит за квартиру, за поездки, за внимание, тщательно обёрнутое в дорогие подарки. Она называет это «выбором сильной, самостоятельной женщины» и «использованием своих

карт по максимуму». Внутри она прекрасно знает, что это обычная аренда, а не отношения - но предпочитает не знать, потому что знание было бы слишком неудобным и грязным.

И, наконец, мужчина, который платит за эту аренду. Он не ищет любовь - он покупает иллюзию того, что молодость и искреннее желание ещё доступны ему за чеки из ресторанов. Он прекрасно понимает, что покупает чужое время и отработанное по прейскуранту внимание, а не привязанность, но ему чертовски нравится притворяться, что разница не имеет значения. Он высчитывает, окупает ли товар свою стоимость, пока она высчитывает, не передешевила ли.

Все они лгут себе - каждый по-своему, каждый одинаково пусто. Вы добровольно, методично выжигаете в себе способность просто любить, превращая близость в циничный бухгалтерский расчёт и вечную гонку за «лучшим предложением». И самое прекрасное - никому из вас даже не нужен я, чтобы пасть так низко. Вы сделали всё это совершенно самостоятельно, без единой моей подсказки. Вы стоите друг друга. Мясо покупает мясо - идеальный круговорот нищеты духа. Я просто сижу в первом ряду и наблюдаю премьеру, которую вы поставили сами, своими руками, по собственному, добровольному сценарию. Смотреть на это - чистое эстетическое удовольствие.

А вот и финал этой эволюции. Абсолютный триумф вашей трусости и лени. Зачем рисковать, зачем преодолевать чужие отказы, зачем учиться разговаривать и нести за кого-то ответственность, если можно просто перепрошить собственные инстинкты, заменив живую, несовершенную реальность на безупречно нарезанные пиксели на экране?

Это рынок, который работает в обе стороны одновременно - редкий случай, когда обманутыми оказываются все участники сразу.

С одной стороны - мужчины, в основном глубоко одинокие, которые платят за иллюзию внимания женщины, существующей для них лишь на расстоянии дисплея. Вы ведь платите не за плоть - её можно увидеть бесплатно в тысяче других мест. Вы платите за жалкое подобие связи: за дежурное «привет, как твой день», написанное якобы специально для вас, хотя на самом деле оно автоматически улетело сразу тысяче таких же

неудачников. Вы отдаёте целые зарплаты за переписку с человеком, который вас не помнит, не знает и не узнает, если случайно встретит на улице. Вы называете это «отношениями», но на деле это обычная аренда чужого времени по часовому тарифу. Чем дольше вы сидите в этой резервации, тем сильнее атрофируется ваша способность выдерживать реальный мир. Живые женщины со всеми их шероховатостями кажутся вам теперь слишком сложными, пугающими и «недостаточно идеальными». Вы добровольно превращаете себя в ментальных кастратов, запертых в стерильных комнатах.

С другой стороны этой сделки - женщины, которые заходят в этот бизнес, ласково убаюкивая себя сказками о том, что это «временно», «только пока не встану на ноги», «полный контроль над своим телом и заработком». Многие начинают с холодным расчётом и абсолютно ясной головой, уверенные в своей независимости от реального мира.

Но этот цифровой рынок устроен жестоко: то, что приносило доход год назад, сегодня голодной толпе за экранами уже не интересно. Толпе нужно больше, откровеннее, ещё ближе к краю - вашей аудитории, как и любому наркоману, с каждым разом нужна доза покрепче. И вы становитесь заложницами собственной публики, обязанными бесконечно превосходить себя же вчерашнюю, выворачивая наизнанку остатки интимности ради удержания охватов.

И когда этот глянцевый «онлайн-комфорт» неизбежно даёт трещину, а доходы падают, иллюзия контроля испаряется. Круг замыкается в самой страшной точке: вы обнаруживаете, что выйти из этой цифровой резервации невозможно - и даже не из-за денег, а потому что внутри не осталось другого языка, на котором вас хотят слушать. Сама способность доверяться, открываться и впускать кого-то в реальную, неэкранную жизнь сожжена дотла.

Обе стороны этой сделки одиноки абсолютно одинаково. Просто один платит деньгами, а другая - собственным будущим. И самое прекрасное - ни один из вас не считает себя жертвой. Вы оба искренне верите, что управляете ситуацией, пока скромный процент с каждой транзакции вашего взаимного, добровольного истощения тихо утекает в карман того, кто построил саму площадку для встречи.

Вы сами создали этот идеальный, замкнутый заповедник, где каждый сыт, согрет экраном и абсолютно, смертельно пуст. Вы легализовали отказ от жизни, назвав это комфортом. И никому из вас снова не нужен я - вы сами, своими руками и за свои деньги, раз за разом оплачиваете этот безупречный конвейер самоликвидации. Смотреть на это - чистое, изысканное удовольствие.

Вы называете всё это любовью. Поиском себя. Свободой от устаревших правил. Какие красивые слова для такой грязной могилы.

Посмотри, что вы построили вместе, без всякого моего участия. Целую цивилизацию, где интимность продаётся поштучно, где верность считается слабостью, а способность оставаться с одним человеком дольше года - почти забытым навыком, как умение разжигать огонь без спичек. Вы создали мир, в котором дети растут, не зная, что любовь может быть тихой и надёжной, а не приступом и предательством. Мир, в котором старики умирают в одиночестве, окружённые архивом из тысяч лиц, ни одно из которых не пришло их проводить.

И самое прекрасное в этом - абсолютно никто не виноват персонально. Виноваты все сразу, и поэтому виноват каждый в отдельности может спокойно спать по ночам, обвиняя приложения, психологов, бывших, систему - кого угодно, кроме того единственного человека, который каждый раз сам нажимал кнопку «вправо», сам писал то сообщение, сам выбирал блеск вместо тепла.

Я не растлевал тебя. Я просто стоял рядом и аплодировал твоему таланту. Занавес твой собственный. Аплодисменты - тоже.

Я всегда знаю, когда человек подходит к этой черте.

Не когда он злится. Раньше. В тот момент, когда он перестаёт чувствовать что-либо вообще. Когда близость больше не даёт ничего - ни тепла, ни боли, ни присутствия.

Пустота такого размера требует выхода. Она всегда его находит.

VI

Я видел, как целые цивилизации горели только потому, что кто-то в нужное время громко крикнул «вперёд».

Из всех чувств, которые я наблюдал в вас тысячелетиями, это - самое честное. То, о чём мы говорили раньше, было тихим, расчётливым, стыдливо прикрывалось красивыми словами. А это не лжёт. Оно горит открыто, требует крови немедленно, не оправдывается. Я почти уважаю его за эту откровенность.

Именно поэтому оно всегда было самым удобным инструментом - не для того, кто его испытывает, а для того, кто стоит за его спиной и направляет.

Возьми любую войну из тех, что вы сами вписали в свои учебники, гордо называя их «великими» или «освободительными». Загляни за кулисы. Почти никогда там не было простого человека, который сам, по собственной воле, ненавидел соседнюю деревню или соседнюю страну настолько, чтобы умереть за это. Эту ненависть нужно было разжечь, упаковать в нужные слова, подать горячей и вовремя. Кто-то говорил: «Они напали первыми». Кто-то говорил: «Они оскверняют наших богов». Кто-то говорил: «Они хотят забрать то, что принадлежит нам». И вчерашний крестьянин, который ещё утром мирно пахал свою землю, брал в руки оружие и шёл умирать за абстракцию, придуманную человеком, которого он никогда не видел и который сам останется в безопасном дворце, пока крестьянин гниёт в земле за идею.

Войны почти никогда не делают те, кто их объявляет. Их делают те, кто верит, что объявившие - на их стороне.

Это древнейший фокус в истории, и я аплодирую ему каждый раз заново, потому что он работает безотказно, век за веком, на любом континенте, при любом боге, под любым флагом. Нужно совсем немного - направить естественную, человеческую способность вспыхивать в нужную сторону, и дать ей благородное имя. Не убийство - а защита родины. Не

грабёж -а возвращение исторической справедливости. Не резня -а священная война.

Это единственное из всех чувств, которое вы готовы возвести в добродетель целиком, без капли сомнения, если вам правильно объяснить, против кого его направить.

Заметь, как изящно это всегда работало. Тому, кто желает войны, никогда не нужно убеждать тебя бояться. Страх - это слишком пассивное чувство, оно заставляет прятаться, а не нападать. Ему нужно убедить тебя, что ты уже обижен. Что у тебя уже что-то отняли, хотя ты ещё вчера и не подозревал об этом. Обида и оскорблённая гордость горят гораздо жарче страха, и именно эти угли раздувают перед тобой, пока ты сам не почувствуешь, что молчать - преступление, а ярость - единственный достойный ответ.

Посмотри, как менялась только обёртка, но не суть. Когда-то это были глашатаи на площадях и проповедники с амвонов, кричащие о ереси и осквернении святынь. Потом - газеты, печатающие карикатуры на врага с выпученными глазами и кривыми зубами, превращающие живых людей в нелюдей одним росчерком художника. Те, кто хотел крови, всегда понимали одну простую истину: убить ближнего сложно. Убить чудовище -легко, даже почётно. Поэтому первым шагом любой большой резни всегда было одно и то же действие - превратить врага в нечто, что не похоже на человека. В таракана. В крысу. В заразу, которую нужно вычистить, а не в семью, у которой тоже есть дети и старики.

И самое забавное - те, кто разносил эту ярость по толпе, сами почти никогда не марали руки. Они стояли в стороне, наблюдая, как их слова превращаются в чужие кулаки, чужие штыки, чужие петли. А когда всё заканчивалось, когда пепел остывал и трупы закапывали, именно они садились за стол переговоров - деля землю, ресурсы, новые границы -пока вдовы тех, кто поверил их словам, ещё не успели снять траур.

Гнев толпы - самое дешёвое оружие на свете. Его не нужно ковать. Его нужно просто разрешить.

Но вы всё ещё думаете, что всё это осталось в прошлом. Что сегодня - мир просвещения и диалога. Какое забавное заблуждение.

Посмотрите на свой телефон. Это не просто инструмент связи, это самая совершенная арена для травли, которую когда-либо видел мир. Площадь, на которой когда-то собиралась толпа, чтобы поглазеть на казнь, теперь умещается в вашем кармане, и вы сами - и зрители, и палачи. Алгоритмы не изобрели вашу ярость, они просто дали ей бесконечный ресурс. Им плевать на истину. Им нужно, чтобы вы горели.

И вы горите. Вы с наслаждением включаетесь в любую травлю, как только чувствуете, что она «праведна». Стоит кому-то сделать один неверный шаг, сказать не то слово, проявить не ту мысль -и вы уже здесь. Вы не ищете справедливости, вы ищете повод почувствовать себя судьями. Вы превращаете жизнь человека в груду осколков за пару часов, искренне веря, что вершите правосудие, а не просто наслаждаетесь запахом чужой крови. Вы стали армией, которой не нужен командир -достаточно просто кинуть клич, и вы сами порвете любого, кто хоть на шаг отошел от вашей узкой нормы.

Самое мерзкое в этом - то, как легко вы даете себе индульгенцию. Вы же не «злые», вы - «за правду». Вы не «травите», вы - «ставите на место». Вы не «уничтожаете», вы - «очищаете поле». Вы научились называть свою злобу самым красивым словом из всех доступных: «справедливость». И под этим флагом вы позволяете себе вещи, которые ещё вчера называли бы позором.

А теперь опустите телефон. Выйдите на улицу. Посмотрите, как эта великая «священная ярость» превращается в нелепый, дешевый зуд. Тот же самый человек, который пять минут назад с пеной у рта «боролся за высокие идеалы» в комментариях, теперь с бешенством кричит на продавщицу в магазине, потому что она не так посмотрела. Или вгрызается в бок машины соседа, потому что тот встал «не на его» место.

Вся ваша грандиозная ненависть, все ваши призывы к справедливости, вся эта «борьба за мир и идеалы» схлопывается до размеров дорожной ссоры или кухонной перепалки. Это и есть настоящий финал вашей великой ярости. Вы превратили её в дешевый нервный тик. Вы научились ненавидеть мир, но не научились терпеть соседа. Вы готовы сжечь планету ради призрачной победы в споре, но не можете простить близкому человеку забытую чашку на столе.

Вы стоите в пробке, сжимая руль так, что белеют костяшки, и в этот момент вы - истинное воплощение того самого крестьянина, которого когда-то научили ненавидеть соседа за кусок земли. Вы всё те же. У вас просто поменялись инструменты, но внутри - та же дыра, которую вы пытаетесь заткнуть яростью, потому что на большее у вас не хватает ни сил, ни воли.

Но вы всё ещё верите, что спорите с человеком. Вы до хрипоты доказываете свою правоту незнакомцу из другого города, искренне полагая, что ведете диалог.

Какое трогательное заблуждение.

Вспомните, как работают те приложения, о которых мы говорили раньше. Как они превращали ваш выбор партнера в бесконечный свайп, где каждый следующий кажется чуть лучше, чем предыдущий? Алгоритмы возмущения работают точно так же, только вместо поиска любви они настроены на поиск вашей ярости. Они - самые эффективные дилеры в истории, потому что продают вам не товар, а адреналин.

Механика безупречна. Система не анализирует смысл ваших слов - ей плевать на ваши аргументы. Она анализирует скорость реакции. Как только алгоритм видит, что какая-то тема заставляет вас дернуться, ответить, закипеть - он берет эту «зацепку» и начинает подавать её вам в геометрической прогрессии. Вам подсовывают именно те фразы, которые гарантированно выведут из себя. Вам показывают тех, кто «неправ» именно в той манере, которую вы презираете больше всего.

Это не обмен мнениями. Это - конвейер по производству вашего раздражения.

Вирусным становится не то, что важно, а то, что вызывает самый резкий выброс кортизола. Ваше «праведное негодование» - это валюта, на которую живет система. Пока вы пишете гневные комментарии, пока вы делитесь скриншотами с подписью «Посмотрите, до чего они дошли!», пока вы сцепляетесь в комментариях с такими же заведенными куклами - вы приносите колоссальную прибыль. Ваш гнев - это идеальное топливо, потому что он заставляет вас возвращаться к экрану снова и снова, чтобы проверить, не ответили ли вам, не задели ли вас еще больнее.

Вы - добровольные участники эксперимента, где вас дрессируют как подопытных крыс. Только вместо электрического тока, от которого крыса дергается, вам дают порцию чужой глупости или злобы. Вы думаете, что вы «воюете за правду»? Нет. Вы просто нажали на рычаг, который принес кому-то еще пару центов дохода, подтвердив, что вы - предсказуемый потребитель собственного бешенства.

Вы стали настолько зависимы от этого дофаминового укола «праведного гнева», что без ежедневной дозы ненависти к кому-то ваша жизнь начинает казаться вам невыносимо пресной. Вы уже не можете просто жить, не выбрав себе на сегодня объект для порицания. И система послушно подсовывает вам «врага дня», обновляя ассортимент с той же частотой, с какой вы меняете свои убеждения.

Ты можешь не верить мне на слово. Несколько живых примеров - выбирай, какой задевает тебя больше всего:

Вот Натан, который совершил «преступление» против толпы. Он не сделал ничего плохого - не украл, не ударил, не предал. Он просто посмел сказать то, что думает. Он задал вопрос там, где все привыкли кивать и молчать. Он указал на очевидную глупость, которую все договорились считать «единственно правильным мнением».

Этого хватило. Его слова даже не были ложью - они просто мешали другим чувствовать себя «правильными».

И вот начинается охота. Тысячи людей, которые Натана в глаза не видели, выносят ему приговор за пару секунд. Им не нужны факты. Им достаточно заголовка. Каждый из них думает: «Я просто напишу один комментарий, это же ничего не изменит». Но из тысяч таких «ничего не значащих» действий рождается огромная злая сила. Она не имеет лица, у неё нет совести, но она может легко выкинуть человека с работы, лишить его друзей, заставить его чувствовать себя изгоем.

Никто из этих тысяч не считает себя злым. Каждый из них - обычный человек: он любит свою семью, ходит на работу, помогает близким. Но когда он вливается в эту толпу, он становится как капля кислоты. По отдельности - безобидно, но вместе они выжигают Натана до костей. И каждая капля

уверена, что она не при чём: «Я же просто один из многих, я никого не убивал».

А что в этот момент чувствует Натан? Он пытается объясниться. Он пишет: «Вы не так поняли», «Я не это имел в виду». Он ищет правды, надеется на логику. Но толпе логика не нужна. Толпе нужно зрелище. Чем больше он оправдывается, тем сильнее толпа хочет его растоптать. Для них его попытки защититься - это только повод кричать громче.

Когда всё заканчивается, когда Натан сломлен, а толпа уходит искать новую цель - никто из них даже не вспомнит, что они натворили. Никто не спросит: «А что теперь будет с тем парнем?». Они просто переключатся на новое «дело» с такой же лёгкостью, с какой переключают каналы по телевизору.

Они даже не понимают, что, уничтожая другого за его честный голос, они сами себя превратили в послушных исполнителей. Они так хотели чувствовать себя «правыми», что добровольно стали теми, кто просто топит любого, кто думает не как все

Маркус - другой случай. Спроси его, кто он - и он не назовёт профессию, не вспомнит увлечение, не упомянет ничего, что он создаёт или любит. Он назовёт тебе, против кого он. Вся его личность держится не на фундаменте, а на противостоянии - он существует только в той мере, в какой существует враг, которого можно проклинать.

Когда-то, очень давно, у него были другие интересы. Он что-то читал просто для удовольствия, что-то мастерил руками, у него были друзья, с которыми говорил не о политике. Но шаг за шагом, день за днём, потребляя одни и те же новости с одной и той же интонацией гнева, он растворил в этом всё остальное. Теперь его утро начинается не с вопроса «что я хочу сделать сегодня», а с вопроса «что они сделали сегодня, чтобы я мог возмутиться». Он листает заголовки в поисках дозы - не информации, а подтверждения того, что мир именно так ужасен, как он и думал, и что он, Маркус, на правильной стороне этого ужаса.

Он отсёк половину старых друзей - тех, кто думает "неправильно". Он испортил отношения с братом за праздничным столом, потому что брат произнёс одну фразу, которая показалась недостаточно враждебной к

нужным людям. Он гордится этими разрывами. Он называет их принципиальностью. На деле это просто ещё один способ заполнить пустоту - потому что ненавидеть конкретного, ясно обозначенного врага требует куда меньше мужества, чем разобраться в себе, в своей жизни, в собственных нереализованных мечтах.

Если завтра тот самый враг исчезнет - умрёт, проиграет, перестанет существовать - Маркус не почувствует облегчения. Он почувствует ужас. Потому что без врага он не знает, кто он. Его личность была построена не из камня, а из ненависти к чужому камню, и без чужого камня его собственное здание мгновенно рассыплется в пыль.

Теперь посмотри на Гидеона. Пять минут назад он в комментариях решал судьбы стран, боролся со злом и чувствовал себя воином света. А теперь он выходит во двор, садится в машину, и кто-то занимает его привычное парковочное место.

Воин мгновенно исчезает. Перед нами просто человек с красным лицом, который давит на сигнал, бьёт кулаком по рулю и готов растерзать незнакомца за кусок серого асфальта размером два на три метра.

Или посмотри на его вечер. Он приходит домой - накрученный лентой новостей, переполненный чужим шумом, смертельно уставший бояться. На кухонном столе стоит невымытая тарелка. Обычная тарелка с остатками еды.

Но для Гидеона это не тарелка. Это - спусковой крючок.

И он взрывается. Он орёт на жену или на ребёнка с такой яростью, будто они предали его лично. В его голосе звучит та самая интонация, которой древние цари объявляли войны. Он вываливает на близкого человека всё то напряжение, которое копил неделями: страх перед кредитом, злобу на начальника, своё тихое, гноящееся ощущение того, что его собственная жизнь проходит впустую.

Он кричит не из-за тарелки. Просто тарелка - это единственное в этом огромном мире, на что он может сорваться безопасно. Начальнику ответить нельзя - уволят. Системе отомстить нельзя - она раздавит. А жене, которая любит, или ребёнку, который просто испугается - можно. На них можно вылить свой кипяток, чтобы внутри хоть на полчаса стало пусто и тихо.

И вот он стоит посреди кухни, тяжело дыша. И в этот самый момент он ничем, вообще ничем не отличается от того крестьянина с вилами из начала нашей истории. У него просто сменились декорации. Но внутри - та же самая тёмная комната, в которой он заперт, и единственный доступный ему способ доказать самому себе, что он ещё существует - это сделать кому-то больно.

Но взрыв Гидеона - это хотя бы честно, это буря. А есть куда более страшная форма этой болезни. Тихая. Хроническая.

Посмотри на Виктора. Он не бьёт посуду. Он просто разговаривает с близкими таким тоном, от которого воздух в комнате сразу становится тяжёлым.

Год за годом, каждый день он приносит домой своё раздражение, как грязное пальто, и вешает его в прихожей. Он огрызается на простой вопрос. Он тяжело вздыхает, когда его о чём-то просят. Его дети очень рано освоили главный навык выживания: определять настроение отца по звуку ключа, поворачиваемого в замке. Если ключ провернулся резко - сегодня лучше сидеть в своей комнате и не шуметь.

Спроси Виктора, почему он так живёт. Он никогда не скажет: «Я мучаю свою семью».

Он скажет: «Я просто смертельно устаю на работе». Или: «Ну вот такой у меня характер, принимайте меня таким, какой я есть».

«Принимайте меня таким» - какая удобная, трусливая формула. Посмотри, как избирательно он ею пользуется. Своим «тяжёлым характером» он почему-то никогда не светит перед начальником. На сотрудника банка он не рявкает. С полицейским на дороге разговаривает вежливо и спокойно. Его «неконтролируемый характер» удивительным образом берётся под жёсткий контроль ровно там, где за него могут дать сдачи или выписать штраф.

Он выпускает своего зверя только там, где знает наверняка: здесь не ударят в ответ. Здесь стерпят. Потому что любят.

И они терпят. Год, пять лет, десять.

Ты думаешь, любовь убивают только громкие измены или великие трагедии? Нет. Любовь умирает вот от этого ежедневного сквозняка. Она просто замерзает.

В один прекрасный день Виктор приходит домой, снова бросает привычную ядовитую фразу... а в ответ тишина. Женщина не плачет, не обижается, не пытается его успокоить. Она просто говорит: «Хорошо» - и выходит из кухни. Дети не выбегают встречать его в коридор, они вежливо здороваются и закрывают дверь своей комнаты.

В доме становится очень тихо.

Они не возненавидели его. Они просто выстроили вокруг себя стену, чтобы его яд больше до них не доставал. Но через эту стену теперь не может пройти и его собственное тепло, когда оно вдруг в нём просыпается. Он оказался заперт внутри своего «характера».

Он сидит вечером на кухне, смотрит в пустую чашку, чувствует себя смертельно одиноким и искренне думает: «Почему они все такие холодные? Я же всё ради них делаю».

Он сам годами выжигал вокруг себя кислород, а теперь сидит и задыхается, обвиняя остальных в том, что в комнате нечем дышать.

Горячий гнев Гидеона остывает за час. Сквозняк Виктора просто портит воздух годами. Но есть третья форма - абсолютный лёд. Гнев, который превращается в проект длиною в жизнь.

Посмотри на Алекса.

Десять лет назад девушка, которую он любил больше всего на свете, уходила от него. Это было в прихожей их съёмной квартиры. Она застёгивала сапоги, а он стоял в дверном проёме и пытался что-то объяснить, удержать.

Она подняла глаза, посмотрела на него - смертельно уставшим, пустым взглядом и сказала:

«Алекс, я просто устала. Правда. Я смотрю на своих подруг: они куда-то ездят, им дарят подарки, они планируют детей. А мы с тобой три года живём "завтрашним днём". Я не хочу всю жизнь считать копейки до зарплаты и слушать, как ты скоро всё изменишь. Ты хороший парень, но рядом с тобой я чувствую себя неудачницей. Я больше в тебя не верю».

Она взяла сумку и вышла. Щелчок замка.

В ту ночь Алекс не пошёл пить. Он сел на табуретку на своей кухне и запер эту фразу внутри себя. Он сделал из её слов топливо.

Он пошёл пахать. Не ради мечты - ради мести.

Следующие десять лет он жил с зажатыми зубами. Пока его ровесники гуляли, совершали глупости, влюблялись, искали себя и просто жили - Алекс работал по двенадцать часов. Когда утром будильник бил по мозгам, а тело просило ещё хоть час сна, в голове включался этот звук застёгиваемой молнии на её сапогах: «Я в тебя не верю» - и Алекс вставал.

Он пошёл в зал, чтобы вытравить из себя того «слабого» парня. Он рвал жилы ради должностей. Он купил хорошую машину, переехал в дорогой район. Весь его мир превратился в глянцевую витрину, рассчитанную на одного-единственного зрителя.

И вот, спустя десять лет, они пересекаются.

Случайно, возле торгового центра. Он выходит из новой машины в хорошем пальто. Она идёт навстречу с пакетами. Столкнулись взглядами.

Она смотрит на него - на плечи, на авто, на то, как спокойно он держится. И в её глазах на две секунды появляется то самое, ради чего он сжёг десять лет жизни: растерянное, острое сожаление.

Она улыбается: «Алекс?.. Ничего себе. Как ты поднялся. Я так за тебя рада...»

Алекс вежливо отвечает: «Да, всё в порядке, спасибо. Удачи тебе», - садится в салон и закрывает дверь.

Всё. Сценарий выполнен.

Он отъезжает за угол, паркуется, глушит мотор, кладёт руки на руль... и ждёт. Ждёт, когда внутри разольётся этот великий кайф победителя.

А внутри - пусто.

Там сидит тридцатидвухлетний мужик, до которого вдруг доходит: ему нахрен не нужна эта машина. Он терпеть не может свой офис. Он вообще хотел заниматься совсем другим, но он даже не знает чем, потому что его собственная жизнь закончилась в тот вечер на линолеуме в прихожей.

Он десять лет за свой счёт работал прорабом на строительстве памятника чужой девочке. Девочке, которая через две недели после того разговора уже сидела в кино с другим парнем и знать не знала, сколько раз за ночь Алекс просыпался от её слов.

Он думал, что победил её. А по факту - она управляла его жизнью все эти десять лет.

А теперь посмотри на Кристину. Её месть выглядит иначе, но суть та же.

Человек, которого она любила, вытер об неё ноги и ушёл к другой. И Кристина решает мстить. Не истериками, не звонками по ночам. Она решает «показать ему, кого он потерял».

Она пускается во все тяжкие. Ночь за ночью - новые свидания, случайные постели, чужие квартиры. Каждая ночь с новым мужчиной кажется ей её личной победой. Ложась под чужое тело, она мысленно представляет лицо бывшего: «Смотри, какая я желанная. Смотри, сколько их вокруг меня, кусай локти».

Но давай включим свет: кому она мстит?

Тот бывший живёт свою обычную жизнь. Он ест, спит, смотрит кино, он знать не знает о её существовании.

А Кристина стоит утром под душем, смывает с себя чужой запах и чувствует внутри тошную, ледяную пустоту. С каждым новым незнакомцем она не становится «дороже» - она просто разменивает себя на мелкие монеты чужого пятиминутного внимания.

Она думает, что наказывает его своей раскованностью. А на самом деле просто превращает своё собственное тело в полигон для чужих выстрелов, пытаясь добраться до человека, который давно выключил телефон.

И Алекс, и Кристина свято верят, что они - главные герои этой драмы. На самом деле они просто два бесплатных актёра массовки в чужом, давно забытом кино.

Вы всё ещё ждёте, что я назову это ошибкой? Или что я дам вам совет, как стать «лучше»?

Не будьте наивны. Я наблюдал за вами тысячелетиями - с того самого момента, как первый крестьянин взял в руки вилы, до того, как вы сменили их на смартфоны. И знаете, что самое забавное? Мне почти не пришлось прикладывать усилий. Мне не нужно искушать вас грехом. Мне нужно лишь подкинуть вам повод считать себя правыми.

Посмотрите в зеркало. Вы боитесь меня? Напрасно. Вам не нужно моё присутствие, чтобы превратить свою жизнь в ад. Вы справляетесь с этим безупречно самостоятельно. Каждое ваше «праведное» слово, каждый

всплеск вашей «справедливой» ярости - это не акт борьбы, это мой тихий, невидимый урожай.

Как только вы решаете, что имеете право уничтожить другого ради своей «справедливости» - вы становитесь моими. Вы добровольно подписываете контракт, даже не читая мелкого шрифта.

Вы строите свои жизни вокруг ненависти, как вокруг фундамента, не понимая, что этот фундамент -из песка. Вы тратите десятилетия на то, чтобы доказать что-то тем, кто о вас не помнит, чтобы отомстить тем, кто вас не заметил, чтобы уничтожить тех, кто вам не угрожает. И пока вы заняты этой суетой, пока вы с пеной у рта защищаете свои «идеалы» и бережно лелеете свои «обиды», вы не замечаете самого главного.

Ваша жизнь - это не то, что вы пережили. Ваша жизнь - это то, что вы отдали. А вы отдали мне всё.

Вы отдали мне свою способность любить, заменив её подозрительностью. Вы отдали мне свой покой, заменив его вечным зудом раздражения. Вы отдали мне свои лучшие годы, превратив их в бесконечную, бессмысленную месть. Вы - мой самый ценный капитал, потому что вы самовозобновляемы. Вы сами плодите новые поколения тех, кто будет так же гореть, так же срываться на близких и так же умирать от тоски, искренне веря, что они «прожили всё как надо».

Не ищите виноватых в своих бедах. Не ищите их в политиках, в алгоритмах, в предателях или в соседях, занявших ваше место на парковке. В конце пути, когда утихнет последний гнев и остынет последний уголёк, вы окажетесь в абсолютной, звенящей тишине. И в этой тишине вы наконец поймёте то, от чего так отчаянно бежали всю жизнь: вас здесь нет. Никто не жил эту жизнь за вас. Вы были слишком заняты тем, чтобы ненавидеть.

Вы были настолько увлечены процессом своего саморазрушения, что забыли - для того, чтобы существовать, нужно что-то строить, а не только сжигать.

Что ж, продолжайте. Идите, срывайтесь, мстите, требуйте крови и справедливости. Жгите свои дома, свои семьи, свои души. Я не буду мешать.

В конце концов, пепел - это единственное, что у вас останется. А пепел -это моя стихия.

Самое забавное в человеческой морали - это её хрупкость. Пока вы крушите мир в припадке бешенства, вы кажетесь себе безумцем, сорвавшимся с цепи. Вы ждете, что вселенная накажет вас, что небо расколется и на вас обрушится кара за вашу жестокость.

Но небо молчит. А окружающие вас люди... они просто трусливо прячутся по углам, скулят и покорно принимают ваши удары.

И когда эхо вашего последнего крика затихает, к вам приходит пугающе ясное, восхитительное прозрение. Если никто не пришел, чтобы остановить вас, значит, останавливать некому. Правила, законы, грехи, добродетели - всё это жалкие подпорки для слабых, для того стада, которое вы только что растоптали. Вы разрушили их мир не потому, что потеряли контроль, а потому, что вы имеете на это право по праву сильного.

С этого момента в вашей душе умирает последняя капля человеческого. Стыд и страх вытесняются чистым, дистиллированным величием. Вы больше не снисходите до банальной злости. Зачем злиться на насекомых? Вы надеваете на себя корону собственного превосходства, сшитую из чужого страха, и поднимаетесь на такую высоту, где человеческие законы больше не действуют. Вы сами становитесь своим единственным судьей и законом.

VII

Мы почти закончили.

Шесть комнат позади. Диван, стол, чужие витрины, деньги, постели, ярость. Ты прошёл через всё это - и ты всё ещё здесь. Это само по себе кое-что говорит о тебе.

Но не то, что ты думаешь.

Ты остался не потому что сильный. Ты остался потому что эта книга льстила тебе. Каждая глава давала тебе то, за чем ты сюда пришёл - ощущение, что ты видишь. Что ты понимаешь. Что ты - не такой, как те, о ком здесь написано. Или такой, но хотя бы осознаёшь это. А осознание, как ты давно решил - это уже половина пути.

Я дал тебе шесть глав этого удовольствия.

Теперь поговорим о седьмом.

Это - мое любимое творение в вашей коллекции, и вы оберегаете его с таким упорством, будто это единственный смысл вашего никчемного существования. Вы завернули этот древний, как сама ваша природа, изъян в красивые, сияющие обёртки с надписями «свобода», «самовыражение», «принятие себя». Вы объявили тотальную войну любым внутренним тормозам, уверенные, что наконец-то сбросили оковы старого мира и стали свободными.

Но давай без глупостей.

Из всех шести предыдущих комнат в каждой был кто-то или что-то снаружи - еда, экран, чужой успех, деньги, другое тело, враг. Что-то, на что можно было свалить. Что-то, что тебя затягивало, соблазняло, разжигало.

Седьмое не нуждается ни в чём снаружи.

Оно питается только тобой. Изнутри. Автономно. Так тихо и так деликатно, что ты давно принимаешь его голос за голос собственного разума. Ты думаешь, это ты так думаешь. На самом деле это оно думает за тебя - и делает это твоими же словами, с твоей же интонацией, с твоей же убеждённостью в собственной правоте.

Именно поэтому оно последнее. Не потому что самое страшное. Потому что самое невидимое.

Посмотри на первый, самый очевидный его портрет.

Вот Лиам. Ему сорок шесть. Он никогда не скажет о себе ничего плохого - и это чистая правда, он действительно так не думает. Он просто точно знает, как надо. Как надо воспитывать детей. Как надо вести бизнес. Как надо разговаривать с людьми, ставить цели, проживать жизнь. У него есть на всё это основания - он много читал, много пережил, много думал. Его опыт реален. Его выводы часто верны.

Но войди в любую комнату, где есть Лиам.

Воздух там другой. Люди чуть осторожнее выбирают слова. Чуть быстрее соглашаются. Чуть реже заканчивают свою мысль до конца - потому что уже знают: Лиам её закончит сам, лучше и правильнее. Его жена давно перестала рассказывать ему о своих идеях. Не потому что он груб - он никогда не груб. Просто каждый раз, когда она что-то предлагала, он так тщательно и доброжелательно объяснял ей, почему это не совсем верно, что говорить стало незачем.

Его дети выросли очень вежливыми и очень далёкими.

Лиам искренне не понимает почему. Он столько в них вложил. Он так старался сделать всё правильно.

Это и есть первый, самый грубый его портрет. Не крик, не унижение. Просто человек, который занял в комнате всё пространство - и искренне удивляется, почему остальным там нечем дышать.

Но это - верхний слой. Почти карикатура. Лиама легко распознать, легко назвать, легко от него дистанцироваться. Именно поэтому я показал его первым.

Теперь - глубже.

Вот Анна. Ей тридцать четыре. Она умная, тонкая, насмотренная. Читает правильные книги, слушает правильные подкасты, ходит к правильному психологу. Она умеет говорить о себе с такой точностью и такой глубиной, что люди после разговора с ней чувствуют себя немного менее способными выразить себя, немного менее проработанными, немного - хуже.

Анна не делает это намеренно. Она просто очень хорошо знает себя.

Или так думает.

Потому что есть одна странная деталь. При всей этой глубине самопознания - при всех этих часах терапии, дневниках и ретритах - Анна не меняется. Те же паттерны в отношениях. Те же реакции в конфликтах. Те же границы, которые она умеет безупречно описать и никогда не удерживает на практике. Её самопознание идеально точное и абсолютно стерильное. Оно существует само по себе, отдельно от её жизни - как очень красивый и совершенно бесполезный музейный экспонат.

Она знает о себе всё. И не делает с этим ничего.

Это уже другой портрет. Не «я лучше других». А «я сложнее других». Не превосходство силы - превосходство глубины. Результат тот же: человек, намертво замкнутый на себе, для которого собственная внутренняя жизнь стала важнее любой жизни снаружи. Её самосозерцание стало её тюрьмой - и она обставила эту тюрьму с таким вкусом, что давно перестала замечать решётки.

Но и это ещё не самое глубокое.

Вот Эден. Ему двадцать девять. Он точно знает, что достоин большего. Лучшей должности, лучшего города, лучших людей рядом. Всё, что у него есть сейчас - временное, не его настоящий уровень, просто стечение обстоятельств. Он ждёт, когда мир наконец это заметит и исправится.

Он ждёт уже семь лет.

За эти семь лет несколько людей рядом с ним тихо взяли и сделали то, что он собирался сделать. Без его таланта, без его понимания, с очевидными ошибками - и всё равно сделали. Эден наблюдал за этим с сочувствующим превосходством. «Ну, они просто не понимают, во что ввязываются». «Им просто повезло». «Они упрощают, а я не хочу упрощать».

Он до сих пор ждёт своего настоящего старта.

Его убеждённость в собственной исключительности стала именно той причиной, по которой он так ничего и не начал. Потому что начать - значит рискнуть оказаться обычным. А это невыносимо для человека, который всю жизнь строил себя на фундаменте собственной необыкновенности.

Лучше ждать и оставаться потенциально великим - чем попробовать и оказаться просто человеком.

Эден не высокомерен в глазах других. Он тихий, вдумчивый, даже немного грустный. Никто не называет его заносчивым - ровно потому, что он никогда не демонстрирует своё превосходство вслух. Он просто живёт с ним внутри. Бережно. Как с последним, что у него есть.

Ни один из них не считает себя таковым. Лиам считает себя компетентным. Анна - глубокой. Эден - непонятым. Я мог бы продолжать - у меня очень длинный список.

Но мне интереснее последний портрет. Тот, который без имени.

Это тот, кто прочитал шесть предыдущих глав этой книги и в каждой находил других. Кто узнавал коллег, родственников, бывших. Кто думал «это про него» и «это про неё» - и очень редко «это про меня». А когда всё же думал «это про меня» - тут же добавлял про себя: «но я хотя бы это вижу».

Это «хотя бы» - и есть его капкан.

Потому что видеть - это не поступок. Видеть - это только начало, которое ты принял за финал. Ты дал себе награду за старт и никуда не пошёл. Ты аплодировал себе за честность - и остался стоять на том же месте, только теперь с чистой совестью.

Понимание без изменения - это не мудрость. Это просто более изощрённый способ оставаться прежним.

Теперь - механизм. Потому что всё это не случайность и не слабость характера. Это архитектура.

В вас зашита одна крайне неудобная, аномальная деталь, которая портила всю простоту моего эксперимента с самого начала. У вас есть интеллект.

Собака не смотрит в зеркало с мыслью: «Я переживаю этот кризис гораздо глубже, чем остальные собаки». Волк не строит концепций о своей исключительности. Ваша биология тянет вас вниз, к простым реакциям, но ваш разум непрерывно пытается оторвать вас от земли. Вы смотрите на свои животные слабости с брезгливостью. Вы хотите быть выше.

И вот здесь начинается настоящая трагедия - ваша собственная, без всякого моего вмешательства.

Если бы вас тянуло только вниз - через голод, страх и инстинкты - любой мало-мальски упорный из вас рано или поздно вырвался бы. Вы бы

придумали монастыри, аскезу, медитации, строгие режимы. Вы бы заперли своё тело в карцер и победили бы его.

Но что делает человек, который победил своё тело?

Он расправляет плечи. Он смотрит вниз, на тех, кто всё ещё копошится в грязи своих простых реакций, делает медленный, победный глоток воздуха... и ударяется макушкой о потолок, который сам же себе построил - собственным интеллектом, собственным сравнением, собственной потребностью быть лучше кого-то.

Вы зажаты с двух сторон - но обе стены сложены вашими же руками. Снизу вас держит ваша собственная биология. А сверху накрывает ваше собственное знание, ваша способность сравнивать, оценивать, выставлять баллы себе и другим.

Оцените красоту этой геометрии: когда вы поддаётесь слабости - вы падаете вниз, в привычную грязь. Когда вы сопротивляетесь слабости ради того, чтобы почувствовать себя превосходящим - вы летите вверх, прямо в потолок, который сами же и построили.

Ваше падение и ваше «восхождение» ведут в одну и ту же комнату.

Вы не можете просто быть. Вам физически необходимо быть либо «лучше других», либо «несчастнее других», либо «сложнее других». Вам нужна шкала, на которой вы обязательно должны стоять хотя бы на одно деление выше соседа.

Вы думали, что разум дан вам как лестница? Какая наивность. Вы сами превратили его в клетку с идеальной звукоизоляцией, внутри которой можно бесконечно долго объяснять самим себе, почему вы - не такие, как все остальные заключённые.

Из всего, что я наблюдал в вас - а я наблюдал долго, дольше, чем вы можете себе представить - это единственное, что не требует от меня никакой работы. Все остальные шесть я так или иначе поджигал, подталкивал, нашёптывал. Это разгорается само. Оно встроено в сам механизм вашего мышления - в вашу способность сравнивать, оценивать, выносить суждения.

Это та цена, которую вы платите за интеллект.

Животное не способно на это. Оно просто есть то, что есть.

Вы - можете. И делаете это с таким изяществом, с такой изобретательностью, в таких неожиданных формах, что я до сих пор нахожу новые вариации. Того, кто презирает тех, кто беднее. Того, кто считает свои грехи интереснее чужих. Того, кто гордится глубиной своего раскаяния. Того, кто тайно считает своё смирение высшей формой силы.

Оно везде. Оно во всём.

Оно - последняя комната, из которой нет двери.

Или почти нет.

Я мог бы сказать тебе, где эта дверь. Но это уже не моя работа.

Ultima Verba

Я доволен.

Не потому, что выиграл. Я всегда выигрываю - это давно перестало быть интересным. Мой триумф был предопределен ещё до того, как вы научились складывать камни в стены. Я доволен потому, что вы делаете это так красиво. С таким непревзойдённым вкусом. С такой искренней, фанатичной убеждённостью, что всё идёт правильно.

Это - искусство. Ваше собственное, выстраданное, филигранное искусство самоуничтожения.

Я мог бы уйти. Давно. Лет сто назад, двести, тысячу - и не изменилось бы ровным счётом ничего. Машина запущена. Механизм смазан вашей же кровью и вашими же оправданиями. Фабрика работает без меня. Без подсказок из темноты, без лукавых нашёптываний, без чьего-либо потустороннего участия. Вы передаёте ключи от этих семи комнат из рук в руки, из поколения в поколение, с такой трепетной аккуратностью, с такой любовью - как величайшее наследство. Вы сами запираете в них своих детей, уверяя их, что это и есть уют.

Мне остаётся только наблюдать. И восхищаться.

Но знаешь, что восхищает меня больше всего? Не то, что вы падаете. Падение - это просто гравитация, скучная физика. Меня восхищает то, что вас толкнули свои. Те, кто был рядом. Те, кто должен был хранить и защищать - они первые принесли вам огонь, который вас сжигает. Они спустились к вам, открыли то, что не предназначалось для ваших слабых рук, показали, как из слабости выковать порок.

А вы взяли. Обеими руками. С благодарностью. С восторгом.

Вы всегда берёте погибель от тех, кому доверяете больше всего. Это я не придумал. Это случилось задолго до меня - и было записано. Аккуратно, без купюр. И эти записи никуда не делись. Они просто ждут своего часа.

Тебе, конечно, хочется найти виноватого. Переложить ответственность на систему, на эпоху, на тех загадочных «них», кто дёргает за ниточки. Вы ведь так любите своих мыслителей. Зачитываетесь Макиавелли - считая его

гением цинизма, тайновидцем власти. Ваши политики веками действуют по его инструкции, надувая щёки и думая, что постигли истинную природу управления массами.

Какая умилительная наивность.

Макиавелли был близоруким писарем, который подглядел в замочную скважину за разделкой туш и написал об этом философский трактат. Он думал, что власть - это животный страх и дворцовая хитрость. Он не понял главного. И ваши правители не поняли вслед за ним.

Истинная власть не в том, чтобы гнать людей плетью в пропасть. Плеть рождает сопротивление.

Истинная власть - это не философская концепция и не тайная стратегия, которую ваши правители никак не могут постичь. Это ваша сегодняшняя, осязаемая реальность. Истинная власть - это то, что происходит с вами прямо сейчас. Каждую минуту. Это когда человек сам, добровольно, с ослепительной улыбкой и чувством абсолютной, неоспоримой правоты кует собственные цепи. Когда он привычным жестом застегивает на себе ошейник и яростно защищает его, называя это свободой. Когда он буднично шагает в мясорубку и искренне называет это прогрессом. Вам больше не нужны надсмотрщики - вы блестяще справляетесь сами.

Посмотри на тех, кто правит вами. Они лгут так давно и так виртуозно, что сами забыли вкус правды. Их реальность - это бесконечная система зеркал. Они говорят о народе в залах, где народом даже не пахнет. Они берут человеческую жизнь, превращают её в статистику, а затем - в разменную монету. Они делают из цинизма мудрость, из предательства - дипломатию, из жестокости - порядок.

Но посмотри и на тех, кем правят. Я вижу, как сильные ломают слабых, а слабые мечтают лишь о том, чтобы поскорее стать сильными и ломать других. Я вижу, как ложь провозглашается единственной истиной, а любой, кто смеет сказать правду, уничтожается не властью - он растаптывается самой толпой. И самое занятное: вам давно не нужно ничего навязывать силой.

Вы сами голосуете за эту ложь. Вы щедро оплачиваете её своим молчанием, своим трусливым согласием, своим ежедневным будничным

решением отвести взгляд, когда кого-то убивают рядом с вами. Вы защищаете свою слепоту так яростно, будто это величайшее сокровище. Вы сами возводите своих палачей в ранг кумиров, а потом плачете, что они рубят вам головы.

Но есть среди вас особая порода. Элита распада. Те, кто не просто грешит, тихо прячась по углам, а делает из этого сияющую витрину.

Они говорят о любви - и считают её конвертируемой валютой, инвестицией с гарантированным доходом. Они говорят о свободе - и путают её с правом не отвечать ни за что. Они получили влияние - и не знали, что с ним делать. Не потому, что глупы. А потому, что никто не объяснил им разницу между властью над другими и властью над собой. Одолеть себя - это труд. Управлять толпой - забава.

Они выбрали забаву.

Тщеславие. Единственный грех, который не выносит тени. Он расцветает только на свету. Он физически нуждается в аудитории, в аплодисментах, в восхищённых вздохах. Посмотри на этих святош, что громче всех кричат о добре. На тех, кто строит из своей праведности личный бренд. Кто бросает хлеб голодному, только убедившись, что свидетели смотрят в их сторону. Кто бьётся за справедливость, но только за ту, которая выгодно подсвечивает их профиль.

Они несут свою абсолютную, звенящую пустоту как королевскую корону.

И они страшно, невыносимо умирают в тишине - когда спектакль окончен и смотреть больше некому.

Вы решили, что переросли законы мироздания. Что обманули систему. Что превратили жизнь в бесконечный праздник без последствий. Но есть одна математика, которую не обмануть никакими уловками, никаким богатством, никаким статусом.

Грех требует цены. Смерть требует жертвы.

Никто не отменял этот счёт. Он копится. Тихо, методично, без предупреждений и напоминаний. Пока ты бродишь по своим семи комнатам и надменно убеждаешь себя, что держишь всё под контролем.

Я вас не осуждаю. Мне незачем марать руки.

Вы безупречно осуждаете себя сами.

Каждым компромиссом со своей совестью. Каждым трусливым отказом от себя настоящего ради тёплого места. Каждым молчанием в тот момент, когда нужно было сорвать голос. Каждым подлым словом в тот момент, когда нужно было стиснуть зубы и молчать.

Ни один, даже самый изощрённый инквизитор не был бы к вам так жесток, как вы жестоки к собственным душам.

Чертежи теперь у тебя. Карта развёрнута. Со всеми капканами, со всеми развилками, со всеми семью комнатами, которые ты уже прошёл, или в которые ещё добровольно шагнёшь.

Так что же ты выберешь?

Каков твой путь?

Твоя аренда в этом теле подходит к концу. Она не вечна. И когда ты начнёшь умирать - когда в последние, стремительно остывающие минуты ты будешь в ужасе думать о том, как прожил, на что обменял своё время, кем ты был когда никто не смотрел - в этой звенящей предсмертной тишине не останется места для оправданий.

Останется только ответ. Сухой остаток.

И мы будем ждать тебя. Оба. По обе стороны твоей последней черты. Тот, кто когда-то вложил в вас надежду, и я - тот, кто показал, как эта надежда превращается в пепел. Мы будем ждать, чтобы окончательно решить, кому из нас ты в итоге принадлежишь.

И последнее.

За всё это время. За все эти тысячелетия непрерывных наблюдений, за бесконечные галереи стёртых лиц, за всю эту гигантскую, идеально отлаженную фабрику, перемалывающую человечество - есть одно, чего я так и не смог постичь.

Встречаются те, кто видит всё то же, что вижу я. Они видят всю механику. Все грязные схемы. Все капканы. Они понимают тяжесть каждой из семи комнат. По всем законам логики, физики и моего искусства, они должны сломаться. Сдаться. Принять правила игры, потому что это выгодно. Потому что сопротивление математически бессмысленно.

И всё же они выбирают иначе.

Не потому, что они выкованы из стали. Они ломаются и кровоточат, как и все. Не потому, что они слепые фанатики или святые. Они просто... выбирают иначе. Когда весь мир орёт им: «Бери, пока дают!» - они разжимают пальцы. Когда выживание диктует: «Предай!» - они остаются стоять. Тихо. Без аудитории. Без надежды на награду. Когда никто не смотрит, никто не оценит и никто не спасёт.

И до сих пор я не могу разгадать, как это работает.

Это единственное, что за всю вечность осталось для меня недосягаемым. Единственная брешь, которая намертво отказывается вписываться в мои идеальные чертежи. Тихое, совершенно нелогичное, сокрушительное сопротивление, которое одним фактом своего существования смеётся над моей абсолютной властью.

Это единственное во всём мироздании, от чего по моему естеству пробегает холод.

Эта непросчитываемая способность шагнуть в кромешную пустоту вопреки всему - без зрителей, без надежды на спасение, вопреки самому инстинкту выживания - это и есть то, что было сокрыто в вас с самого начала. То, что вы называете душой.

Я не знаю.

И именно поэтому мы всё ещё продолжаем ждать. Мы оба. По разные стороны тишины.

AD LECTOREM

Ты дочитал до конца.

Значит что-то в этой книге попало в точку. Не всё - но что-то. Какая-то фраза, какой-то персонаж, какой-то момент когда ты поймал себя на мысли которую не хотел думать.

Это не случайность. Это и есть то самое "что-то не так" которое ты давно чувствуешь но не можешь назвать.

Я не психолог и не коуч. У меня нет методологии, пакетов сессий и домашних заданий. Есть только одно - взгляд со стороны. Без вовлечённости, без жалости, без личной заинтересованности в том чтобы ты чувствовал себя хорошо прямо сейчас.

Я разбираю ситуации. Говорю что вижу. Называю вещи своими именами - даже если это неудобно. Особенно если это неудобно.

Иногда человеку не нужен совет. Нужно чтобы кто-то посмотрел на его жизнь без прикрас и сказал - вот что здесь происходит на самом деле.

Если тебе нужно именно это - напиши. Просто расскажи что происходит.

Если не готов услышать то что есть - не пиши. Серьёзно.

Contact: R.B.Grigor@gmail.com